

Предисловие

В начале 2019 года ко мне обратилась заведующая музеем нашего Западно-Сибирского Управления Гидрометслужбы Татьяна Николаевна Дяденко с предложением провести выставку – экспозицию материалов и документов о моей жизни и деятельности в Западно-Сибирской Гидрометслужбе. Я согласился, поначалу без особого энтузиазма. Но отбирая из множества хранящихся у меня документов, фотографий, книг, вещей те, которые, как мне казалось, были бы интересны посетителям музея, я постепенно всё больше и больше увлекался воспоминаниями. С течением времени, особенно, когда началась кампания (указания и поручения) по проведению мероприятий, связанных с празднованием 185-летия Гидрометслужбы России, я посчитал, что должен дополнить музейную экспозицию рассказом о развитии Гидрометслужбы (Сибири, России, Советского Союза), которое я наблюдал в течение многих лет и в котором есть и мой посильный вклад. После обсуждения с коллегами, друзьями, руководством Гидрометцентра было решено, повествуя о своём творческом пути, рассказать о своих товарищах по такой нелёгкой, но интересной и нужной работе, отобразить влияние ведущих специалистов, учёных, лидеров Гидрометслужбы самого разного масштаба (и региональных, и государственных) на мою судьбу. Встречи с некоторыми лидерами были длительными по времени, некоторые – короткими, но удивительно, что даже краткие встречи, вследствие то ли своей значимости, то ли эмоциональности, производили сильное впечатление и оставили свою зарубку в памяти на долгие годы. Как дополнение к моему рассказу был сделан своего рода фильм – набор слайдов, скомпонованных в хронологическом порядке.

26 апреля 2019 года, то есть в день 185-летия указа императора Николая I о создании Гидрометслужбы России, в музее состоялась встреча с коллективом Западно-Сибирского

УГМС, ветеранами Службы, другими заинтересованными лицами.

Встреча в музее была ограничена по времени, и мне пришлось провести селекцию всех воспоминаний и оставить для слушателей только самое-самое... Мне показалось, что и музейная экспозиция, и моё выступление были интересны присутствующим. А я к этому времени настолько погрузился в прошлое, что было невозможно сразу “вынырнуть”. Поэтому я решил создать более подробное описание “жития довольно известного в Новосибирске ветерана Гидрометслужбы”.

Приношу извинения всем, кого я не сумел упомянуть, тем, кто уже находится в мире ином и тем, кто ещё жив: ветеранам Службы и тем, кто продолжает трудиться.

Глава 1. Родители, детство, юность

Этот симпатичный бутуз, сидящий на кровати, весело и с любопытством взирающий на окружающий мир – это я. Здесь мне примерно полгода. А родился я 17 мая 1940 года в Казани, в семье татарских артистов.

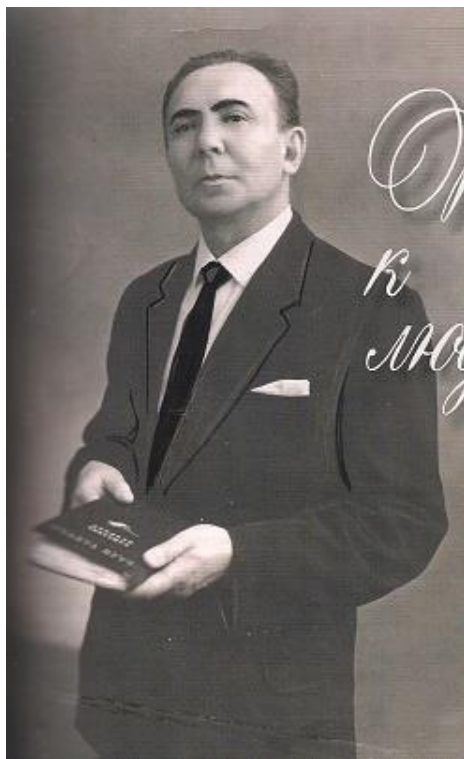

На другой фотографии (май 1944 года) мне уже почти четыре года, я рядом с отцом. Здесь малыш более серьёзный, и явно чем-то озабочен.

Отец мой, Азаль Бадретдинович, мастер художественного слова, артист Татарского Государственного Академического театра им. Галиаскара Камала и татарской филармонии им. Г. Тукая, Заслуженный артист Республики Татарстан. Он блистал в ролях комических и характерных, чаще – трусов, подлецов, дезертиров, всякого рода мерзавцев, что травмировало мою детскую психику и отношения со сверстниками. По-настоящему я мог гордиться только одной его театральной работой – ролью Шурале (Лешего), невероятно атлетической ролью - он то проваливался в подземелье, то взлетал к вершинам сцены. Мог бы гордиться, но Шурале

столько гадостей строил хорошим людям... Отец был блистательный конферансье на эстраде и чтец – исполнитель произведений М. Джалиля, Г. Тукая, Х. Туфана, Ф. Карима, других татарских поэтов и писателей, особенно в жанре мелодекламации: чтение он сопровождал виртуозной игрой на аккордеоне и пением.

К 100-летию со дня рождения отца я написал большой рассказ о его жизни и творчестве, который был опубликован в журнале “Казань”, №12, 2008 год.

Мама - Абканеева Мастюра Мухаммедовна, театральный псевдоним Ижевская, ибо родилась в Ижевске, в семье рабочих Ижевского завода. Участница гражданской войны, воевала за Советскую власть. Входила в группу

татарских артистов в составе политотдела 28-й стрелковой дивизии легендарного героя гражданской войны, комдива В.М. Азина. Дивизия воевала на Восточном фронте против Колчака, участвовала в боях за освобождение Ижевска и Агрыза в 1919 году. Затем мама вместе с другими татарскими артистами попала в ряды политотдела татаро-башкирской стрелковой бригады Я.Д. Чанышева, будущего генерала Советской армии. Эта бригада входила в группу войск Туркестанского фронта Красной Армии под командованием М.В. Фрунзе, которые очищали Среднюю Азию от басмачей и войск бухарского эмира. Из сказанного следует, что основным оружием мамы и её коллег артистов были музыка, песня, танец. Артисты ставили спектакли, организовывали митинги, правда, порой брали в руки оружие.

В 30-40-х, начале 50-х мама вместе с отцом была актрисой драмы, певицей татарской филармонии: у неё был сильный, красивого тембра голос (лирико-драматическое сопрано широкого диапазона; в 70-летнем возрасте она свободно брала верхнее ре-бемоль). Я не помню, чтобы в театре она исполняла главные роли, скорее это были роли второго плана. И всё же одну её роль, яркую и героическую, в пьесе “Священная клятва” драматурга Т. Гиззата я хорошо помню.

...Застенки гестапо. Моя мама – партизанка в невероятно окровавленном одеянии, её пытаются, она ни в чём не признаётся. Взмешенный её упорством, гестаповец вырывает ей глаза. (Неискушённые сельские зрители стонут от ужаса.) Партизанка собирает все силы и кричит: “Я всё равно вижу! Москву, Сталина вижу!” В зале бурная, бешеная овация... (На таких патриотических пьесах воспитывалось наше поколение.)

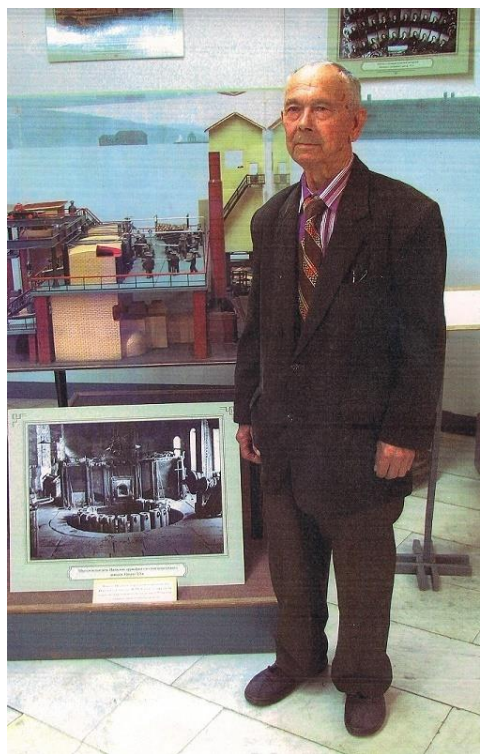
В начале 2018 года по заказу Ижевского музея я написал довольно большой рассказ о жизненном и творческом пути мамы. Фрагменты рассказа были опубликованы в сборнике материалов, посвящённых событиям так называемого Ижевско-Воткинского восстания 1918 года (книга “Декалог”). Добавлю:

в семье Абканеевых было 6 сестёр, у некоторых из них дети стали знатными людьми Удмуртии и всей страны. Среди них Саидбаттал Файзулин, заслуженный деятель науки и техники, главный инженер завода Ижмаш, кавалер орденов Ленина, Трудового Красного Знамени и других наград: человек, сотрудничавший с Главным Оружейником страны М. Калашниковым и министром обороны Д. Устиновым. Назову ещё

С. Файзулин

знатного металлурга, ветерана завода Ижсталь Хурмата Диганьшина.

Х. Диганьшин

...Утром 1 сентября 1947 года меня разбудили крики ребятишек со двора нашего дома артистов: "Ренатка! Айда в школу!" Помню солнечное утро, залитый солнечным светом школьный двор. На партах лежали тетрадные листки. Кроме школьников за некоторыми партами сидели молодые парни и девушки, видимо студенты. Учительница предложила писать палочки с крючочками. Я вздохнул и стал писать...справа налево, памятуя, как это делает отец. Студенты подсказали, что надо писать слева направо. Бережно храню я те первые школьные листки, а также школьные дневники разных лет (с вечными четвёрками и пятёрками), похвальные грамоты с

портретами Ленина и Сталина. Начал я учиться в мужской школе, а закончил в смешанной - в 1954 году ввели совместное обучение мальчиков и девочек.

*Ученик пятого класса, серьёзный мальчик в модной тогда
вельветовой куртке.*

С детства я увлекался географией, путешествиями, описаниями приключений великих мореплавателей и путешественников, отслеживал их дороги по картам и атласам. В нашей семейной библиотеке было несколько особенно ценных для меня книг: “История географических открытий” Бейкера, 1950 года, описание кругосветных плаваний М. Лазарева, 1951 года, книга о путешествиях Н. Пржевальского – уникальное довоенное издание (февраль 1941 г.), географический атлас для учителей 1955 года. Когда я стал постарше, мне захотелось, чтобы моя будущая профессия была

бы связана не только с географией, но и с физикой и математикой. Оказалось, что есть такая наука, и называется она “метеорология” – наука о физике атмосферы и предсказании погоды. И такую науку изучают и преподают в Казанском университете, на географическом факультете. Возможно, влияние на выбор профессии оказала и моя сестра Гулышат, которая в годы Отечественной войны работала метеорологом в Сталинградской школе военных лётчиков.

Среднюю школу я окончил успешно, с золотой медалью, но вступительные экзамены в ВУЗ мне пришлось сдавать по всем предметам; в том году (1958) все льготы для медалистов отменили.

Глава 2. Казанский университет. Студенческие путешествия.

Итак, последний барьер преодолён. И я студент первого курса метеорологического отделения географического факультета Казанского государственного университета имени В.И. Ульянова - Ленина. Именно таким перечислением всех регалий любил меня встречать после лекций мой отец.

Казанский университет. Построен в 1804 году.

Заведующим кафедрой метеорологии был Николай Васильевич Колобов, известный учёный - климатолог, защитивший кандидатскую диссертацию по климатологии Поволжья. Позднее мы узнали, что в годы войны он руководил метеообеспечением 4-й воздушной армии.

Н.В. Колобов

Р.И. Гумерова

Познакомились мы с куратором нашей группы, миниатюрной, изящной женщиной, доцентом Рукией Исхаковной Гумеровой. А деканом геофака был живой, подвижный географ Галим Валеевич Фазлулин; говорил он по-русски с жутким татарским акцентом, но его это ничуть не смущало. Потом мы узнали, что его брат Х. Фазлулин работает дирижёром в Татарском оперном театре. На фотографии преподавательского состава геофака 1948 года Г.В. Фазлулин второй слева в первом ряду. На этом же снимке обращает на себя внимание группа элитарной профессуры, я бы сказал, “старорежимного” облика (с бородой): проф. Сементовский, написавший монографию “Русские открытия в Антарктиде” и проф. Воробьёв, автор книги “Казанские татары”.

Преподаватели геофака КГУ. 1948 год.

В 1958 году вместе со мной поступил на учёбу на географак Юрий Петрович Переведенцев. С начала 80-х годов он стал заведующим кафедрой метеорологии Казанского университета. Учёному миру он теперь известен как доктор географических наук, Заслуженный деятель науки России, автор 300 научных работ и 11 монографий по вопросам климатологии и циркуляции атмосферы.

Не могу сказать, что в период учёбы меня сильно увлекали специальные дисциплины: метеорология, аэрология, климатология и другие. Большой интерес я проявил к практикуму по общему землеведению, когда надо было “излазить” весь географический атлас и запомнить сотни названий географических объектов: островов, мысов, озёр, проливов и т.д. Заинтересовал меня курс океанологии; кстати, на третьем курсе я писал курсовую работу на базе богатейшего

фонда университетской библиотеки с описаниями путешествий выдающихся российских мореплавателей XIX века. Как ни странно, увлекательными были курсы “Истории КПСС”, которые вела совершенно очаровательная и доброжелательная молодая женщина, доцент Т.В. Порфирьева. В первый же день учёбы она повела нас в старинную аудиторию университета, где якобы начинал учиться юный Владимир Ульянов. Да и относилась Тамара Васильевна к деятельности вождя революции не казённо, а с какой-то теплотой: “И вот тут Ильич здорово сказал...” А как захватывающе чеканно и современно звучали строки “Манифеста Коммунистической партии” К. Маркса и Ф. Энгельса: “Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма...” (И ведь действительно – бродил! Только, потом куда-то забрёл...)

Пожалуй, самыми яркими событиями учебного процесса были не лекционные курсы, порой довольно занудные, а летние практики. Так, в июне 1960 года, после второго курса наша группа участвовала в экспедиции на учебном судне (катере) “Учёный” по Куйбышевскому водохранилищу, от Казани до устьев рек Зай и Вятка с целью изучения микроклимата побережья водохранилища. Мы проводили метеорологические наблюдения за температурой, влажностью воздуха, давлением, направлением и скоростью ветра, атмосферными явлениями. По материалам экспедиции я написал курсовую работу, где утверждал о возможности возникновения бризовой циркуляции ветра над акваторией водохранилища.

Захватывающе интересной была экспедиция на учебно-научном судне “Батайск” в августе – сентябре 1961 года (после 3-го курса) в Северной Атлантике для изучения гидрометеорологических и биологических условий океана. В экспедиции принимала участие большая группа студентов Казанского, Московского университетов, Одесского гидрометинститута, мореходных училищ Мурманска и Ленинграда. Мы проводили метеорологические,

гидрологические наблюдения, выпускали радиозонды. Старшекурсники составляли синоптические карты, давали прогноз погоды. Мы плавали от Мурманска до Архангельска, любовались фьордами у берегов Норвегии под музыку Э. Грига, которую заводил радист корабля (с грампластинок, купленных мною в Архангельске), страдали от морской болезни во время 7-балльного шторма у Фарерских островов, проплывали мимо унылых берегов Ирландии, в густом тумане преодолевали пролив Ла-Манш, видели на побережье Дании замок Эльсинор, где, кажется, томился принц Гамлет. Запомнилось залитое утренним солнцем устье реки Прегель – гавань Калининградского порта и конец нашего плавания. А первые морские впечатления были связаны с тёплыми августовскими вечерами и белыми ночами в Мурманске, громадой атомного ледокола “Ленин”, грозными силуэтами военных кораблей в Североморске. Потрясающе выглядело залитое светом фонарей многочисленных кораблей устье Двины; казалось, суда всех стран пожаловали в гости на Север России, в гостеприимный с петровских времён Архангельск. По материалам этой экспедиции мною также была написана курсовая работа; что-то о некоторых аспектах взаимодействия атмосферы и океана.

В память о том плавании вокруг Северной Европы осталась трогательная фотография - двое в кубрике в тельняшках, два “морских волка”; слева будущий профессор Юрий Переведенцев, справа – ваш покорный слуга.

И наконец, лето 1962 года (июнь – август), 2,5-месячная практика в Новосибирске: гидрометобсерватория, Бюро погоды, АМСГ Толмачёво (будущий зональный аэрометцентр). Классные специалисты, в основном, молодые и обаятельные, радушный коллектив. Прекрасное жаркое лето, широкая голубая Обь, золотые пляжи... Я был очарован культурной жизнью столицы Сибири: громадой оперного театра и блеском его труппы: тембристым и мощным басом Ярошенко, кантиленой тенора Сорочинского, воздушным полётом балерины Крупениной. А ведь были ещё потрясающие по силе сатиры и юмора гастролы Московского театра кукол под руководством С. Образцова. В августе 1962 года на сцене оперного театра яркую современную пьесу тогда ещё молодого В. Аксёнова “Коллеги” поставил наш Казанский русский Большой драматический театр им. В.И. Качалова, а в главной роли блистал дерзкий и, как сказали бы сейчас, креативный красавец, будущий Народный Артист России, В. Кешнер.

Н.Рябов

Забыл сказать, что на практику в Новосибирск я приехал не один, а со своим сокурсником Колей Рябовым, рослым грубоватым и оригинальным парнем из вологодской глубинки. В свободное время он увлечённо решал дифференциальные уравнения, а вечером посещал кино или искал лёгкие приключения. Снимали мы с ним под жильё веранду в частном доме на улице Гэсстроевской в районе Бугринской рощи. Наша хозяйка, добрейшая тётя

Феня, очень удивлялась тому, что её квартиранты ведут трезвый и достаточно интеллектуальный образ жизни. Угощала нас овощами из собственного огорода.

В бюро погоды я попал в руки молодёжной смены синоптиков: главной в той смене была уже достаточно опытная М.К. Гилярова (ей было чуть за тридцать), её коллегами были Л.Н. Борщёва и Л.И. Климова (Мальцева): очень молодые, в пределах 24-25 лет. Относились они к нам очень тепло: не позволяли перерабатывать, особенно в ночную смену, заставляли уходить на отдых. Да и вряд ли мы могли им сильно помочь профессионально. Наших знаний хватало на более-менее качественный барический анализ высотных и приземных карт, а чтобы вести фронтальный анализ или составлять прогноз – уж извините! Между собой они говорили на каком-то жутко сокращённом профессиональном сленге: “Тут фронт волнит...здесь точка перегиба, а там выглядит некрасиво...” Удивительно, как после ночной смены им хватало сил ехать на пляж (меня тоже брали с собой) и весело играть в волейбол.

Новосибирск всё более привлекал меня как место будущей работы: во-первых, радушием и интеллектом специалистов, во-вторых, запомнилась беседа с исполняющим тогда обязанности директора Обсерватории Ю.П. Петровым, который сообщил нам, что в недалёком будущем в Новосибирске будет крупный научный Гидрометцентр. И наконец, я узнал, что в Новосибирске есть консерватория, а начало 60-х годов – это была пора моего темпераментного увлечения пением. И если повезёт, мечтал я, то, может быть, со временем буду блистать на сцене этого храма оперы?! Почему бы – нет?

В 20-х числах августа, завершив практику и собрав чемодан, набитый грампластинками с записью опер и голосов великих певцов, я ехал на такси на вокзал. На Коммунальном

мосту оглянулся на город и сказал про себя: “Я вернусь к тебе, Новосибирск!”

Последний год учёбы в университете. Последний курс не очень внятных “Основ долгосрочных прогнозов погоды” (кто бы знал, что когда-нибудь я займусь этой наукой и практикой?!). Последние зачёты, защита дипломной работы, государственные экзамены. И на всех этапах этого завершающего цикла испытаний витают облака какой-то лёгкой грусти, ностальгии по уходящему, пережитому, неясной тревоги за будущее...

И вот у меня в руках диплом с отличием – итог университетских тревог. И год этот (1963) был для меня судьбоносным. Этот довольно симпатичный парень на последнем курсе сошёлся, подружился и влюбился в студентку 5 курса биологического факультета Тамару Черкасову.

Ренад

Тамара

А сблизила нас музыка, пение; мы вместе занимались в вокальной группе университета. У Тамары был прекрасного тембра голос, высокое меццо-сопрано. К тому же она просто была очаровательна. Так что, естественным оказалось то, что мы вместе решили ехать в Новосибирск.

Глава 3. Новосибирское бюро погоды. Впечатления. Аспирантура.

...Итак, 3 августа 1963 года мы с Тамарой прибыли в Новосибирск, на железнодорожный вокзал. Был выходной день, а потому пришлось заночевать там же, в комнатах для приезжих. Но уже 5 августа мы сочетались законным браком, причём без свидетелей, без испытательного срока. Почему? Наверное, сотрудница загса, женщина в годах с умным и грустным взглядом, просто пожалела нас.

С.М. Шульман

Западно-Сибирское
Управление Гидрометслужбы
располагалось на 6-м этаже
здания на улиц Чаплыгина. Во
главе Управления стоял С.М.
Шульман, как я узнал позднее,
в прошлом — военный
синоптик, работавший в 1945
году на АСМГ Вена; солидный,
крупный, большеголовый
мужчина. В год моего
прибытия в Сибирь было ему
43 года. Начальником Бюро
Погоды была З.В. Торбина,
тоже с опытом работы
военного синоптика. При
приёме на работу заявила:
“Будете в расчётной группе,

оклад 95 рублей”. Вроде неплохо, но я не знал, что с этой суммы будет вычет подоходного налога, налога за бездетность... А ещё нам пришлось снимать комнату в частном доме на улице Карла Либкнехта (за Каменкой). Квартплата составляла 20 рублей, а ведь были ещё траты на транспорт. Так что жили мы довольно скромно. Но зато нашим богатством были молодость и оптимизм! И вечная музыка!

З.В. Торбина

М.Г. Петрова

Начальником отдела метеорологических прогнозов была М.Г. Петрова, полная солидная женщина в толстых очках (у ней была сильнейшая близорукость). Она могла и умела сопереживать, внимательно выслушать, вникнуть в проблему собеседника, помочь умным советом. За эти качества некоторые синоптики называли Марию Григорьевну матерью: “Мать сказала”, “Мать посоветовала” и т.д. А ведь ей тогда было едва 40 лет. Старшим или, как бы сказали сейчас, ведущим синоптиком отдела, была М.А. Черкесова. По

возрасту (около 35 лет) она была к нам ближе, а потому часто напоминала старшую сестру. Расчётной группой в те годы руководила И.Г. Храмцова, молодой синоптик, ей было чуть более 30 лет.

М.А. Черкесова

И.Г. Храмцова

В задачу расчётной группы входило проведение расчётов разработанных в НИУ Гидрометслужбы СССР численных методов прогноза метеоэлементов и атмосферных явлений (например, гроз, осадков, заморозков), информирование дежурной смены синоптиков о результатах расчётов. Некоторые методы были громоздкими: требовали много времени для проведения вычислений, которые, как правило, велись вручную, без использования ЭВМ. Например, расчёты гроз по территории Урала и Сибири на текущий день по методу Лебедевой длились с 8 до 10 часов утра, а затем соответствующие карты передавали в прогностические центры Сибири по факсимиле. Было, конечно, интересно сопоставлять прогнозы гроз с фактической погодой. А значит, были и радости и огорчения.

Л.Н. Староватова

Стажировался я по этому методу у знакомой мне уже по студенческой практике Л.Н. Борщёвой, которая в том же году сменила фамилию и стала Староватовой. Людмила была стройной, гибкой, изящной молодой женщиной с изумительно красивой, стремительной (балетной) походкой (носками – в стороны). Она занималась спортивной гимнастикой; кажется, у неё был первый разряд по этому виду. Саша, её муж, был мастер

спорта по классической борьбе. Это была потрясающе красивая пара. Помню, как летом, в середине 60-х годов, коллектив управления выезжал на катере для отдыха на один из островов Новосибирского водохранилища; Саша, расправив богатырские плечи, нёс по трапу на одной руке жену, на другой руке маленького сына, а на его могучей спине висел громадный рюкзак с припасами – загляденье!

Но я отвлёкся. Конечно, молодая плеяда синоптиков участвовала, точнее, присутствовала на обсуждении прогнозов (в основном – молча). Невольно бросались в глаза разные стили формирования прогнозов погоды у разных синоптиков. Чаше высокой успешностью отличались прогнозы опытного синоптика с большим стажем работы Л.И. Колдомасовой; через несколько лет она стала кавалером Ордена Ленина; похоже, она – единственный из

Л.И. Колдомасова

синоптиков Сибири, награждённых высшим орденом страны. Но как же Людмила Ивановна вымучивала свой прогноз! “Этот циклон может подойти?”,- вопрошала она и сама отвечала: ”Может! Ой, боюсь!” Затем продолжала рассуждать: “А этот фронт может обостриться? Может! Ой, боюсь!” И в результате синтеза всех этих “боюсь”, комплексации разных указаний незаметно рождался оптимальный прогноз.

М.К. Гилярова

Не такова была М.К. Гилярова - резкая, бескомпромиссная, категоричная. У неё, как правило, был безупречный фронтологический анализ, вызывавший восхищение у многих коллег-синоптиков, подкреплённый “железной” логикой в интерпретации особенностей развития атмосферных процессов и при формулировке выводов. И всё же Маргарита Кузьминична по характеру была экстремист: если она видела угрозу холода, то чаще прогнозировала экстремальный холод, если ощущала опасность сильного ветра, то давала ураган.

Порой дискуссия принимала довольно интересный оборот. З.В. Торбина, например, могла поставить синоптика в тупик своим утверждением “Циклон на холод не пойдёт!” Хотя, казалось, было очевидно, что при такой мощной высотно-фронтальной зоне циклон сам пройдёт себе дорогу. М.Г. Петрова могла озадачить синоптика риторическим вопросом: “Откуда у этого циклона возьмётся энергия?” А действительно, откуда, если синоптик не оперирует картами энергетики атмосферы. Темпераментно “заходила” на обсуждении М.А. Черкесова; как-то порывисто поворачивалась к дежурному синоптику и, глядя на него в упор, спрашивала: “И вот такой контрастный фронт не даст сильных осадков?” И чувствовалось, как у оппонента возникает неловкое ощущение

того, что он не понимает чего-то вполне очевидного, всем известного. В итоге рождался корректив к прогнозу.

Иногда принимал участие в обсуждении прогноза и сам С.М. Шульман. Излюбленным его выражением было “регенерация циклона”, то есть развитие циклона после переваливания горного хребта. Но поскольку Самуил Моисеевич картавил (или грассировал?), то получалось порой забавно: “Этот циклон за Уралом будет гегенегиговать”. Ну как тут было не улыбнуться!

Дискуссию прекращала сотрудница 1-го отдела, звали её Катерина (фамилии не помню): “Ну-ка, давайте ваши брехнозы!”. Не забудем, это была эпоха отсутствия современных гидродинамических моделей, ЭВМ, метеорологических спутников...

Вспоминается забавный эпизод, кажется, в 1967 году. Лето было засушливое, поля требовали влаги, а потому действовало негласное правило - осадки давать только при высокой вероятности. На обсуждении прогноза присутствовал И.В. Кравченко, сотрудник Госкомгидромета СССР. Синоптик докладывает: “Без существенных осадков...” Московский чиновник вопрошает: “А этот циклон не испортит погоду?” Видим, действительно циклон, но какой-то вялый, без яркой зоны осадков. Глядя строго на Ивана Варфоломеевича, М.Г. Петрова чеканит: “Мы должны давать сельскому хозяйству объективную и точную информацию”. Утром следующего дня идём на работу под шум дождя. Мария Григорьевна сочла благоразумным не прийти на обсуждение прогноза.

В первый же год работы (1963) меня, вместе с некоторыми новичками, избрали членом комитета ВЛКСМ, а секретарём комитета стал Толя Чубенко, тоже новичок в УГМС. Был он, что называется рубаха-парень, уже прошедший военную службу, прирождённый оратор, хотя и с хрипатым голосом. “Не дурак выпить”, но уже член партии. Помню

А.Г. Чубенко

первое расширенное комсомольское собрание в октябре того же года, которое состоялось в актовом зале Новосибирской обсерватории, в районе Бугринской рощи. Оно было посвящено роли комсомола в деятельности Гидрометслужбы. Запомнилось несколько выступлений.

Ветеран Великой Отечественной Войны Б.М. Кривоносов, бывший тогда секретарём парторганизации

УГМС, построил своё выступление по аналогии с речью И.В. Сталина на похоронах вождя мирового пролетариата. Их курса истории КПСС я помню: “Уходя от нас, товарищ Ленин завещал свято хранить единство партии. Клянётся тебе, товарищ Ленин, что мы выполним твою заповедь!” Борис Митрофанович так и обращался к комсомолу. “Партийная организация была бы признательна комитету комсомола, если бы комсомольцы обратили внимание на то-то и на то-то, - провозглашал он. - Партийная организация выражает надежду на то, что комсомольцы активизируют свои работы в таком-то и таком направлении!” Молодой коммунист В.Н. Барахтин говорил о своих исследованиях болтанки самолётов и её связи с циклоничностью в нижних слоях атмосферы: “И тут на карте я обнаружил циклон”. (Вскоре он защитил кандидатскую диссертацию.) Прибывший в том же году в

Б.М. Кривоносов

УГМС молодой гидролог А.Г. Каминский неожиданно критично говорил о качестве гидрологических наблюдений: “Но в этих данных, знаете, есть дырочки...” Моложавая, но опытная И.А. Шевчук, синоптик Бюро Погоды, запомнилась каким-то тёплым, материнским обращением к комсомольцам: “Не думайте о прошлом, идите вперёд и (ссылаясь на Барахтина) пусть каждый из вас найдёт свой циклон!”

В.Н. Барахтин

А.Г. Каминский

И.А. Шевчук

Самыми значимыми событиями следующего 1964 года, наверное, были два события. Во-первых, рождение сына Артура в октябре в Казани. Накануне, в сентябре, я отвёз Тамару к своим родителям, и они позаботились, чтобы роды прошли без осложнений. Почему сына назвали таким звучным именем? Может быть, я мечтал о его блистательной будущей судьбе... В памяти звучали имена Артуро Тосканини, Артура Веллингтона. Конечно, смущало сочетание “рычащих” имени и отчества - “Артур Ренадович”. Выход нашёлся в ласково-уменьшительном имени – Артик, или даже Арти. Второе яркое событие: в 20-х числах октября я съехал с частного жилья в новую кооперативную квартиру на улице Большевистской, купленную при щедрой материальной поддержке моего отца. Мы прожили там 17 лет, до окончания Артуром учёбы в школе. Горячо, хотя и запоздало, благодарю отца за эту

своевременную финансовую помощь, давшую мне возможность остаться в Новосибирске и в профессии.

Арти в окружении татарских бабушки (эби), дедушки (бабай) и меня (эти). Сентябрь 1966 года.

Но было ещё и третье событие. Уже в первый год работы в Новосибирском Бюро Погоды меня стала интересовать проблема механизма формирования и прогноза ночных гроз, которые возникают после захода солнца или рано утром. С дневными грозами всё понятно – это термическая или термодинамическая конвекция, а почему ночью?.. И вот случайная встреча и беседа с инженером-синоптиком НЗАМЦ (Толмачёво) В.М. Ярковой. Она убеждала меня поступить на учёбу в аспирантуру Ташкентского университета, где заочно училась и под руководством профессора В.А. Джорджио завершала кандидатскую диссертацию по проблеме прогноза туманов. И убедила! Тамара одобрила мои научные помыслы, тем более что и сама, работая в лаборатории Биологического

В.М. Яркова

Института СО АН СССР, помышляла о научной карьере. Я списался с профессором Джорджио, который в то время заведовал кафедрой метеорологии ТашГУ, и получил его принципиальное согласие на приём в аспирантуру.

В середине мая 1965 года в холодную пасмурную погоду (при температуре плюс 13°C) я впервые в жизни поднялся на борт самолёта ИЛ-18, который взял курс на Ташкент. Три –три с половиной часа полёта, и мы в солнечном Узбекистане. Взлётно-посадочная полоса аэродрома пахла жаром. Плюс 38°C! “Широка страна моя родная”, – подумалось мне, пока я торопливо снимал с себя плащ, пиджак, расстёгивал рубашку до последней пуговицы.

...-Могу я видеть профессора Джорджио?

-Да, можете, это я.

Виктор Антонович Джорджио, крупноголовый, полный, седеющий, с короткой стрижкой, напоминал стареющего льва. После обмена приветствиями вдруг предложил:

-Давайте, я у вас приму вступительный экзамен по синоптике.

-Но я ещё не готов, думал почитать, подготовиться. (К тому же только что вышло новое “Руководство по краткосрочным прогнозам погоды”.)

Но профессор не хотел терять время и снижать темпы беседы. Экзамен начался. Общую синоптику я знал неплохо, но стал откровенно “тонуть” в вопросах о структуре струйных течений (СТ) стратосферы. А Джорджио был корифеем по проблеме изучения СТ и турбулентности в верхних слоях атмосферы, приводящей к катастрофам авиалайнеров тех лет. Блестяще доказав, что я ничегошеньки не смыслю в струях, Виктор Антонович рассудил так: “Если я вам поставлю 4, то в аспирантуру вас не примут. Поставлю вам условно отлично”.

В.А. Джорджио

Я смыл позор этого экзамена и взял реванш на экзамене по климатологии через 4 года. Этот экзамен ввели как итог учёбы в аспирантуре вдруг, неожиданно. Конечно, надо было знать курс климатологии по учебнику Алисова, но своих экзаменаторов, Джорджио и профессора Бабушкина, я поразил свежими и экстремальными данными об аномально холодной и долгой зиме 1968-1969 годов с морозами за 50°C и чрезвычайно жарком лете 1969 года на юге Сибири с максимальными температурами под 40°C . “Амплитуда экстремальных температур близка к 100°C !” - восклицал я под аханье моих экзаменаторов.

Моим непосредственным руководителем по аспирантуре был назначен доцент Н.Н. Романов. Тоже крупный специалист и учёный в области авиационной метеорологии. В мае 65-го мы с ним набросали план учёбы в аспирантуре и самой диссертации, но, в общем, нам аспирантам давали известную свободу в вопросах выбора методологии

исследования. Говоря словами Николая Николаевича, мы вели себя как киргизские лошадки, добывающие корм для себя самостоятельно.

Я ежегодно, за исключением 1966 года, когда в Ташкенте произошло жуткое землетрясение, приезжал в университет с материалами и публикациями по диссертации, отчитывался на кафедре метеорологии о ходе работы, вёл переписку и с Н.Н. Романовым, и с В.А. Джорджио. Но какие же разные они были по стилю работы и оперативности переписки!

Николай Николаевич, как правило, не отвечал сразу ни на первое, ни на второе письмо, ни на... Но затем неторопливо писал: “Уважаемый Р.А.! Отвечаю на все ваши письма от... января, ... февраля, ... марта...” Не таков был Виктор Антонович. На небольшой “четвертушке ” листа бумаги предельно экономным, мелким, но красивым почерком он писал: “Вчера написал ответы на письма Пчелко, Хромова, Бугаева...” (Это признанные крупные учёные, корифеи российской метеорологии.) И далее: “7 минут назад (!!!) получил ваше письмо...” Невольно думалось, как он может меня, молокососа, равнять с признанными гигантами нашей науки! Удивительный был учёный и человек (с большой буквы) с колоссально развитым чувством ответственности. Говорили, что в его научной жизни были случаи, когда ему приходилось в течение одной ночи проштудировать диссертацию, а на следующий день выступить с детальным, компетентным и критическим анализом прочитанного на заседании Учёного Совета.

В 1966 году, на третий год моего пребывания в УГМС, меня назначили руководителем расчётной группы Бюро погоды; к тому времени я был старшим инженером-синоптиком. В моём подчинении были молодые (даже очень молодые) синоптики: Э.А Морозова, Л.Г. Немировская, И.П.

Прокопьева. В следующем десятилетии каждая из них нашла свою нишу в метеорологии и защитила кандидатскую диссертацию.

Э.А. Морозова

Л.Г. Немировская

И.П. Прокопьева

Не помню, чтобы в то время были какие-то планы испытания и внедрения новых расчётных методов. Мы искали эти методы в научной и методической литературе, иногда удавалось самим найти какие-то прогностические зависимости; у меня, например, это получилось по отношению к гололёду и шквалам. Мы эти связи испытывали, а результаты расчётов по применяемым моделям по-прежнему докладывали при обсуждении основного прогноза у дежурной смены. Некоторые результаты исследований публиковались в Трудах института.

Впрочем, не только “расчётчики” вели исследовательскую работу. В середине 60-х годов большую, я бы сказал, блистательную работу выполнила синоптик Бюро погоды Т.С. Ситникова (Селегей). Вспоминая облик Тамары Семёновны тех лет, на память приходит песенка В. Высоцкого из какого-то фильма: “В Одессе женщины умны иль, в крайнем случае, красивы...” Тамара сочетала в себе и ясный ум, и бездну женского обаяния. Творческое исследование об условиях выхода южных (аральских) циклонов на просторы Западной Сибири она выполнила предельно тщательно, по всем канонам классической и красивой синоптики. На основе

анализа нескольких десятков случаев перемещения этих циклонов за последние десятилетия она определила наиболее возможные траектории их движения, вероятную силу штормового ветра в зависимости от глубины циклона, расположение зон сильных осадков и ветра по отношению к путям циклонов. А как красиво, аккуратно и эстетично были составлены чертежи карт движения каждого циклона! Результаты её исследования тогда же были опубликованы в трудах нашего, молодого ещё, института – ЗСРНИГМИ и стали использоваться в практической работе синоптиков Бюро Погоды, пока не были в 70-х годах уточнены и дополнены Ириной Петровной Прокопьевой.

С.М. Шульман и его любимые синоптики. ОГМП. 1971 год.

Добавлю, что в 60-е годы южные (аральские) циклоны и связанная с ними непогода (ураганные ветры, метели и пр.) нередко терзали народное хозяйство юга Сибири, да и нервы синоптиков. Вспоминается одно из обсуждений прогноза погоды того времени, который составила опытный синоптик Новосибирского Бюро погоды А.Н. Алексеева. Как раз ожидался выход южного циклона, и предельно возбуждённая и

взвинченная Адель Николаевна озвучивает прогноз ветра максимальной силы: ” 15 – 20 м/с, местами до 25 м/с”. В среде руководства Бюро погоды и экспертов вспыхивает дискуссия. Кто-то предлагает: “17 -22 м/с, местами до 28 м/с”. Градус напряжения повышает сама Алексеева: “20 -25 м/с, местами 30 – 35м/с.” Слышится неповторимая картавая реплика начальника Управления Самуила Моисеевича Шульмана, который тоже пришёл на обсуждение прогноза: “Сокок!” Ну, 40 не 40, а, помнится, 30 -33 м/с зафиксировали тогда многие метеостанции не только Алтайского края (классической зоны сильных ветров), но и Кемеровской и Новосибирской областей.

***Глава 4. Защита диссертации. Корифеи
гидрометеорологии Сибири и России. Совещание по
Солнечно-Земным связям. Г.И. Марчук и его “десант”.
Памятные встречи.***

Западно-Сибирское УГМС; ул. Советская, 30.

В октябре 1968 года я стал работать в новой научной структуре Гидрометслужбы Сибири – Новосибирском филиале Гидрометцентра СССР, точнее, в его отделе машинной обработки гидрометданных. НФ ГМЦ располагался уже в новом здании Управления на улице Советской, дом 30, который был построен в 1966 году. Со временем туда переселились почти все структуры Службы: Бюро погоды, Обсерватория, службы связи, ВЦ, аппарат и др. В отделе машинной обработки занимались анализом метеорологических, гидрологических данных, расчётами параметров водного режима и климата с использованием установленных тогда в модуле нового здания отечественных ЭВМ типа “Урал” и “Минск”. Проводились синоптические исследования атмосферных процессов в Сибири. Отдел плотно сотрудничал с большой группой молодых программистов: В.П. Крысовым, И.В. Колотовкиным, В.И. Пахомовым и другими, которые составили ядро будущего регионального Вычислительного Центра.

С.Д. Кошинский

Руководил отделом кандидат географических наук Сергей Дмитриевич Кошинский, опытный метеоролог, климатолог, синоптик, в послевоенные годы работавший, как я узнал, в Бакинском бюро погоды, ветеран и инвалид Великой Отечественной Войны. Перемещался он на костылях, довольно бодро, приговаривая: “Ну, я побежал”. В 1969 году он защитил в Ташкенте докторскую диссертацию (при моём небольшом

посредничестве). И этот год, кроме того, был годом его 50-летия.

В отделе было несколько групп учёных и специалистов. Главой группы климатологов (метеорологов) был Николай Васильевич Мамонтов. Он же обычно выполнял обязанности основного редактора “Трудов ЗСРНИГМИ” по проблемам метеорологии, климатологии и прогнозам погоды. Это был придирчивый, дотошный и (ох!) занудный редактор, изводивший авторов статей вопросами типа: “О чём эта фраза? К чему это слово? Для чего этот предлог?” И вместе с тем, работа с Николаем Васильевичем была суровой школой, помогавшей более чётко формулировать свои мысли и выводы. И это, конечно, было полезно для всех, кто занимался научной работой и готовил публикации. В группе Мамонтова начинал свою работу молодой научный сотрудник А.Д. Дробышев, стройный, высокий, спортивного телосложения, кстати, прекрасный волейболист. Ещё один климатолог и “мнс” А.А. Малютина, изящная, молодая, интеллектуальная женщина, в следующем году стала кандидатом наук.

Н.В. Мамонтов

А.Д. Дробышев

Группу гидрологов возглавлял Аркадий Михайлович Комлев, чрезвычайно обаятельный и интеллигентный человек. Научными сотрудниками этой группы были И.Я. Лисер, выполнявший ещё и общественные функции учёного секретаря института, а также М.И. Баюшева. Украшением группы, бесспорно, был молодой, начинающий гидролог Володя Топоров - кудрявый, весёлый, лихой и блестящий баянист. Я был третьим

А.М. Комлев

научным сотрудником (младшим) в группе синоптиков, где уже работали знакомые мне В.Н. Барахтин и В.М. Яркова.

И.Я. Лисер

В.М. Топоров

Перейдя в НФ ГМЦ, я продолжил свою работу по грозовой тематике; тем более, я получил более 300 (!) замечаний от своего шефа Н.Н. Романова по тексту диссертации, правда, в основном редакционного характера. Вместе с тем, пришлось уделить внимание и другой теме. Сергей Дмитриевич загорелся идеей создания перфокартотеки синоптической ситуации в районе Новосибирска с целью автоматизации синоптико-метеорологических исследований с помощью ЭВМ. Идея была интересная, но сама концепция радиально-территориального кодирования синоптических объектов была ошибочной. На это нам указал В.А. Джорджио, с которым я поделился замыслом работы. Не получила поддержки эта идея и на совещании по автоматизации обработки метеорологических данных в ВНИИГМИ–МЦД (Обнинск) в начале 70-х годов. Поэтому, несмотря на определённый задел, работа эта со временем угасла, не получив развития.

Зато отлично помню дату, точнее момент, когда я завершил свою диссертацию “Грозы и шквалы в Новосибирской области”. Это произошло 21 августа 1969 года в 11 часов 40 минут. Вдруг до меня дошло: “Далее некуда...” Какой-то нервический смех. Н.В. Мамонтов оборачивается на мои невнятные звуки, узнаёт причину и коротко командует: “Ягудин! Завтра вам на стройку общежития в Бугринской роще”. Пришлось дней на десять отключиться от умственного труда.

Далее последовали печатание текста, правки, переплёт. “Кирпич” диссертации оказался солидным по объёму – 320 страниц машинописного текста. Работу заслушали на заседании Учёного Совета НФ ГМЦ СССР (ноябрь 1969 года), затем на предзащите в ТашГУ (декабрь того же года). Ведущей (оппонирующей) организацией стал Казахский НИГМИ. Здесь мою работу активно поддержал известный учёный, автор ряда региональных методов прогноза гроз Р.С. Голубов.

Подарком судьбы для меня стала командировка в Москву на 1-ую Всесоюзную конференцию молодых учёных Гидрометслужбы в апреле 1970 года, где я доложил о результатах своей работы по прогнозу ночных гроз. Там я познакомился с другими молодыми своими коллегами. Запомнился своей логичностью и завершённостью доклад А.И. Угрюмова, который изучал особенности квазидвухлетнего цикла ветров в экваториальной стратосфере и их влияние на погоду умеренных широт.

С.П. Хромов

Увидел я корифеев – учёных Гидрометслужбы нашей страны. Сергей Петрович Хромов, крупный, с широкими плечами грузчика, с большими руками рабочего человека, автор знаменитой “Синоптической метеорологии”, настольной книги каждого синоптика, был в то время главным редактором журнала “Метеорология и гидрология”. Припоминаю, незадолго до конференции я пытался опубликовать в этом издании свою статью о климатической повторяемости ночных гроз в Новосибирской области. Сергей Петрович мне

отказал, твёрдо, но вежливо. Я тогда запомнил его рукопожатие. Илья Афанасьевич Кибель, создатель теории долгосрочного гидродинамического прогноза, несколько раз выступал с комментариями по отдельным докладам. Говорили, что он ещё до войны получил за свои работы Сталинскую премию и преподнёс её в дар уже тогда знаменитой балерине Г. Улановой. Меня и, думаю, многих покорила своей удивительной корректностью, доброжелательностью Абрам

Львович Кац, лидер среднесрочного прогнозирования погоды и численных методов этого направления. Запомнился эпизод, когда Абрам Львович в свойственной ему мягкой форме высказал пожелание одному молодому докладчику, гидродинамику, проверить численную модель прогноза на независимом материале. В ответ немедленно последовала язвительно-ироничная реплика другого видного учёного в сфере численных прогнозов Екатерины Никитичны Блиновой, которая, небрежно улыбнувшись, заявила, что уважаемый оппонент просто не понял научной ценности нового метода. “Ведь он же ге-о-граф”, - чеканя отдельно по слогам, заключила она. И тогда и впоследствии меня часто поражало неприязненное отношение учёных, исповедующих одно научное направление, к учёным другого направления. Не правильное ли, думалось мне, идти к лучшему через проверку результатов в практической работе, конструктивную доброжелательную дискуссию и, может быть, синтез разных направлений?

И.А. Кибель

Е.Н. Блинова

Когда я выступал со своим докладом о прогнозе ночных гроз, председателем нашей секции или, как сказали бы сейчас, модератором был профессор Павел Николаевич Белов - крупный учёный и автор ряда монографий о практических методах численных прогнозов погоды. Он был сдержан, корректен, безукоризненно вежлив. Павел Николаевич был причастен к принятию положительного отзыва о результатах моих исследований по генезису ночных гроз от имени участников конференции. И этот отзыв мне очень пригодился в дальнейшем, при защите диссертации и для “проталкивания” публикации в престижном журнале “Метеорология и гидрология” (№6 за 1970 год).

Подготовка к защите диссертации вступила в финальную стадию. Заблаговременно был подготовлен и в офсетном цехе МСФ Западно-Сибирского УГМС (в Буграх) отпечатан автореферат “Грозы и шквалы в Новосибирской области” тиражом 230 экземпляров, а после разослан в различные НИУ Гидрометслужбы, университеты, Ташкент. Подарил я его своим коллегам, руководителям и, конечно, начальнику Управления Самуилу Моисеевичу Шульману “с глубоким уважением”. Разумеется, с такой же дарственной надписью авторефераты были преподнесены моим корифеям – Виктору Антоновичу Джорджио и Николаю Николаевичу Романову. Перед защитой пришлось выполнить довольно щепетильное поручение Джорджио. Из Ташкента мне сообщили, что моими официальными оппонентами будут доктор географических наук, профессор Л.Н. Бабушкин и кандидат физико-математических наук, доцент О.Н. Чернышева. “Понимаете, Ренад Азальевич, - писал мне Виктор Антонович, - профессор Бабушкин - географ и климатолог широкого профиля, и он не знает тонкостей прогнозирования погоды. Не могли бы Вы направить мне проект отзыва на Вашу диссертацию, как бы от имени профессора”...

Спустя некоторое время получаю от В.А. Джорджио письмо, где говорилось буквально следующее: “Сначала я хотел внести некоторые правки в отзыв, но Вы, Ренад Азальевич, так добросовестно себя раскритиковали, что я оставил всё в Вашей редакции”. Наверное, читатель поймёт причину моей улыбки в душе, когда я слушал выступление уважаемого оппонента на защите своей диссертации.

Моя защита была назначена на один день с защитой Е.С. Скиба, синоптика из АМСГ Фрунзе, практически одновременно со мной поступившей в аспирантуру ТашГУ. И хотя мы были готовы к назначенному сроку, всё же нам пришлось в июньские жаркие дни в Ташкенте ещё и ещё раз подсутиться. На выделенной нам машине мы объездили членов Учёного Совета ТашГУ, чтобы настоятельно пригласить их на нашу защиту. Позаботились мы и о том, чтобы раздать друзьям вопросы, которые они зададут нам во время защиты. В общем, “шоу” было организовано неплохо. Погода нам тоже преподнесла подарок. Если накануне защиты Ташкент “плавился” от 35-38-градусной жары, то в день “икс” прошёл холодный фронт, и максимум температуры не превышал 25°C. Голова моя была ясная, голос по теноровому звонкий, фразы, аргументы лились свободно, легко. Казалось, что говорю не я, а некто, сидящий (или стоящий) рядом. Ощущение было удивительное; может быть, именно такое состояние называется вдохновением?!

Банкет после защиты проходил в саду родственницы Евгении Стефановны. Дымился гигантский котёл плова, ягоды (вишня) свисали с веток на столы прямо в рюмки с коньяком. Присутствующие, наши руководители и оппоненты, упражнялись в остроумии...

Не сразу после защиты удалось мне вернуться в Новосибирск. По нормам тех лет процесс защиты должен был стенографироваться, но стенографистка, похоже, слабо владела

русским языком и была абсолютно некомпетентна в вопросах метеорологии. По совету Виктора Антоновича мне пришлось взять на себя редактирование стенограммы, а по существу написать её заново. Материалы защиты диссертации своевременно были высланы в Москву в ВАК (Высшая Аттестационная Комиссия). Я не знал, что только через полтора года, в октябре 1971- го, ВАК подтвердит защиту, и я получу учёную (или, как иногда писали, “искомую”) степень кандидата географических наук.

А пока настроение было радостное, тем более что решением Центральной методической комиссии по гидрометпрогнозам Госкомгидромета в декабре 1970 года расчётный метод прогноза ночных гроз был рекомендован для оперативного применения на территории Западной Сибири. Физико-статистический метод прогноза был основан на использовании статистических связей между комплексом информативных параметров конвекции и вероятностью грозовой деятельности в ночное время. Построенные диаграммы вероятности обеспечивали довольно высокую успешность прогноза: общая оправдываемость 88%, предупреждённость явления 92%. Метод продержался в практической работе синоптиков 47 лет и был исключён из применения только в 2017 году! В начале 70-х годов известный учёный (с докторской степенью) Д.А. Педь, во время одной из бесед, упомянул о моём методе прогноза ночных гроз: “А мы у наших студентов-выпускников спрашиваем о методе прогноза гроз Ягудина”. Не скрою, мне это было приятно слышать.

Начало 70-х годов – время обострённого внимания метеорологической (и не только) общественности к солнечно-земным связям, долгосрочным и сверхдолгосрочным прогнозам погоды, особенно в свете беспощадной засухи, которая летом 1972 года поразила почти всю Европейскую территорию Советского Союза и не была предсказана Гидрометслужбой в долгосрочном аспекте. Подогревали

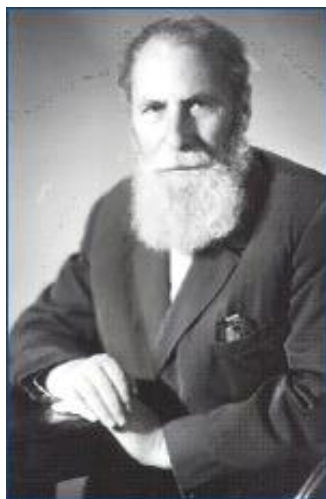
интерес к проблеме слухи и отдельные публикации в прессе, порой откровенно “жёлтоватые” и скандальные, о феноменально успешных прогнозах А.В. Дьякова, геофизика из Темиртау Кемеровской области. Правда, засуху 1972 года он тоже не предсказал, но с годами это его упущение отчего-то стали забывать.

Э.Р. Мустель

В октябре 1972 года я был участником 1-го Всесоюзного совещания по солнечно-земным связям в Москве. В бурных дискуссиях принимали участие ведущие учёные и корифеи Гидрометслужбы. Московское совещание открылось базовым докладом члена-корреспондента АН СССР Э.Р. Мустеля: в докладе он привёл данные об изменении атмосферного давления в геоактивных зонах Северного полушария Земли в течение 3-5

суток после вспышек на Солнце. Из массы комментариев и выступлений запомнилась речь Н.А. Багрова, внешностью удивительно похожего на великого Бернарда Шоу. Теребя энергично бороду, он убеждал сидящих в зале, что есть внутренние закономерности синоптических процессов, которые и надо изучать в первую очередь, не отвлекаясь на второстепенные, по его мнению, факторы.

Н.А. Багров

А.В. Дьяков

которой содержался вопрос: какова оправдываемость его прогнозов и “какое у автора ро”? В ответ Анатолий Витальевич закричал: “Какое ещё ро! Главное – польза!” Меня удивило, что он абсолютно не признавал объективных численных критериев оценки прогноза погоды, а ориентировался только на отзывы благодарных потребителей. Во время перерыва я обратил внимание, как один из крупнейших учёных-метеорологов, представитель ленинградской элиты Е.П. Борисенков сидел рядом с А.В. Дьяковым, энергично жестикующим, и терпеливо пытался что-то у него выяснить.

Е.П. Борисенков

Выступление А.В.

Дьякова отличалось особой энергетикой и темпераментом. Временами, увлекаясь, он переходил на французский (“Ле этрэ комрэ”). Нагнетая эмоции, Дьяков утверждал, что найденные им связи между Солнцем и погодой на Земле носят характер ЗАКОНА. Звучало это так: “Закона...а”. После его выступления я заметил, как В.А. Джорджио подошёл, тяжело ступая, и подал оратору записку, в

Речь директора Гидрометцентра СССР В.А. Бугаева была предельно строгой, сдержанной и построена на утверждении, что повышение качества прогнозов погоды возможно лишь на базе развития численно-гидродинамических моделей и на основе учёта, прежде всего, земных процессов. В

отличие от Виктора Антоновича глава всей Гидрометслужбы Е.К. Фёдоров в заключительной речи заявил, что хотя механизм воздействия солнечной активности на атмосферу не ясен, но он уверен, что это воздействие всё же существует. Отмечу, что это различие мнений двух ведущих лидеров Гидрометслужбы страны с особым сладострастьем смаковали и полоскали некоторые центральные газеты, обвиняя Бугаева в консерватизме и отсутствии свободы мысли. Травля эта в конце концов привела к отставке руководителя Гидрометцентра СССР.

В.А. Бугаев

Е.К. Фёдоров

В 1972 году по инициативе Правительства и Академии Наук была создана комиссия учёных АН СССР и Гидрометслужбы с целью, как было записано, “проверки научных и методических основ долгосрочных прогнозов составляемых А.В. Дьяковым”. В состав комиссии вошли 5 докторов и 4 кандидата наук. Возглавил комиссию доктор физико-математических наук Е.П. Борисенков, директор Главной Геофизической обсерватории. Результаты работы

комиссии составили внушительный том, который кстати хранится в Гидрометцентре ФГБУ “Западно-Сибирское УГМС”. Приведу некоторые выводы: “Удовлетворительной физико-математической теории, обосновывающей эти положения и статистической проверки их значимости не имеется... В распоряжение комиссии не были представлены материалы, позволяющие в деталях установить процесс составления А.В. Дьяковым прогнозов погоды... Комиссия предприняла усилия по проверке сезонных прогнозов А.В. Дьякова за 1964-1972 годы...Оправдываемость прогнозов аномалий температуры составила 56%, волн тепла и холода 48 и 52%, осадков 60%”. (Не без юмора рассказывал об участии в комиссии Академии Наук В.П. Дымников, который признавался, что его на прощание “кудесник” облобызал в щёку, и Валентин Павлович старался это место беречь от воды.) Кроме того, начиная с 1973 года до середины 80-х годов, в созданной лаборатории долгосрочных прогнозов СибНИГМИ продолжали проводить регулярную оценку успешности прогнозов А.В. Дьякова по принятым в Гидрометслужбе критериям. Увы! Чуда не произошло: всё те же 42-54%. Запомнился 1980 год, когда Дьяков прогнозировал на юге Западной Сибири засуху. Фактически, летом того года осадков выпало около и больше климатической нормы, что способствовало получению в Новосибирской области и смежных регионах рекордного урожая сельхозкультур. Так рухнула в сознании профессионалов легенда о “боге погоды”, как его называли некоторые журналисты. Но в памяти многих людей до сих пор так и живут, насколько я знаю, сказания о “феноменальных” и “превосходных” прогнозах астронома из Темиртау.

Поразительно: так сильна в России потребность в чуде, что и в последующие годы мне и моим коллегам приходилось сталкиваться с легендами и сказками о “суперточных” долгосрочных и сверхдолгосрочных прогнозах новых “кудесников” и “волшебников” и даже тратить драгоценное

время на проверку их качества и достоверности. Конечно легенды со временем рушились, но вот потерянного времени было так жаль... Наверное, эти чудеса сродни поиску знаменитого вечного двигателя (“перпетуум мобиле”). И поиск этот будет продолжаться вечно, пока существует человечество.

И всё же, 70-е годы – это была пора интереснейших конференций, совещаний, дискуссий, встреч с ведущими, крупнейшими учёными Гидрометслужбы самых разных направлений. На эти совещания порой ездили большими группами; казалось, Служба не очень заботилась об экономии денежных средств на оплату командировок. Если это перспективно и надо, можно было поехать в любую точку страны.

Память возвращается годом ранее: от Московского совещания к октябрю 1971 года, когда в Киеве состоялось 1-е Всесоюзное совещание по проблемам экономической эффективности Гидрометслужбы. В столицу братской республики (слово “братской” пишу без всякой иронии) Западно-Сибирское УГМС и ЗСРНИГМИ отправили большую группу, человек десять, сотрудников: начальники отделов М.Г. Петрова, Е.В. Тархов, агрометеоролог Э.В. Земляная и другие. Прилетели в Киев поздно ночью. Город поразил обилием огней, какой-то особой, праздничной, иллюминацией, живописностью, красотой улиц, природы: Днепр, Крещатик, мосты, соборы, Владимирская горка... На совещании впервые увидел и услышал одного из лидеров Госкомгидромета С.К. Черкавского, начальника Управления гидрометобеспечения, который обосновывал актуальность проблемы оценки экономической эффективности Гидрометслужбы. Но чуть ли не следом за ним на трибуну ворвался молодой учёный из КазНИГМИ Э. Монокрович и ошарашил всех таким заявлением: “Рискну сделать пионерное заявление: рассчитать корректно экономическую эффективность гидрометобеспечения невозможно!” Аргументы его сводились к тому, что в силу как

организационных, так и экономических причин структуры экономики не могут идеально реагировать на прогнозы и предупреждения Гидрометслужбы. Они либо запаздывают с нужными решениями, либо их действия неадекватны размаху стихии, не говоря уже о том, что несовершенны и неточны сами прогнозы и предупреждения. Более взвешенным и корректным было выступление учёного из ЛГМИ (Ленинградский гидрометинститут) Л.А. Хандожко, который предложил методику оценки эффективности предупреждений о заморозках в случае их учёта в деятельности сельского хозяйства. По прошествии почти полувека более правым кажется мне Э. Монокрович: и в условиях развитого социализма, и при “диком” капитализме поведение субъектов экономики и власти далеко от идеальных моделей реагирования на природные риски и катаклизмы. Пусть читатель вспомнит, как беспомощно вели себя соответствующие структуры во время летнего паводка 2019 года в Иркутской области или в борьбе с лесными пожарами в Восточной Сибири и Якутии летом того же года.

Уезжая из гостиницы на киевский вокзал, я ещё раз взглянул на памятник Богдану Хмельницкому. Не могу сейчас вспомнить, в какую сторону была направлена его гетманская булава: на Москву или на Варшаву?

С созданием в январе 1971 года Западно-Сибирского регионального научно-исследовательского гидрометеорологического института (ЗСРНИГМИ) объединились в одну структуру научные исследования, практическое гидрометобеспечение потребителей прогнозами и предупреждениями, методическое руководство гидрометстанциями и постами и издание режимно-справочных материалов. Директором института был назначен Самуил Моисеевич Шульман. Он же руководил всем Западно-Сибирским Управлением Гидрометслужбы. Его заместителем по научной работе был утверждён С.Д. Кошинский, а через два-три года – Г.Р. Контарев.

Г.И. Марчук

В это время в кабинетах и коридорах здания на Советской, дом 30, стали появляться молодые красивые, рослые мужчины – сотрудники нового отдела гидродинамических методов прогноза. Это был так называемый “десант” академика Г.И. Марчука – следствие договорённости между Шульманом и Марчуком о создании гидродинамического направления в ЗСРНИГМИ. Так, к институту были прикомандированы В.П. Дымников, несомненный лидер этого направления, будущий

академик РАН, его коллеги Г.Р. Контарев, Е.Е. Каленкович, Г.С. Ривин, П.Ю. Пушистов, Л.Н. Романов, Амиров и другие.

В.П. Дымников

Г.Р. Контарев

Основным достижением молодых гидродинамиков стала разработка и внедрение первой региональной численной

П.Ю. Пушистов

результат, который выдвинул сибирский институт в число лидеров гидродинамических прогнозов в нашей стране. В 70-80-х годах предпринимались попытки улучшить качество регионального численного

Г.С. Ривин

публикации в Трудах ЗСРНИГМИ. Некоторые статьи были авторами написаны “на стыке” синоптики и гидродинамики, и я считал

модели и технологии краткосрочного прогноза погоды, получившей название “Диабат”. Она была достигнута в результате сотрудничества программистов РВЦ, синоптиков и молодых учёных. Прогнозистов-практиков численные прогнозы не вполне устраивали, так как модель давала замедленное по сравнению с реальностью развитие атмосферных процессов, занижала интенсивность барических образований. И всё же это был серьёзный шаг вперёд, солидный научно-прикладной

прогноза (Е.Е. Каленкович, Г.С. Ривин). Но удача “улыбнулась” только в начале 90-х годов другой группе гидродинамиков под руководством А.А. Фоменко.

Запомнились мне отдельные эпизоды контактов с В.П. Дымниковым в начале 70-х годов. После моей успешной защиты кандидатской диссертации С.Д. Кошинский стал доверять мне редактирование некоторых статей, поступавших для

нужным такие давать на рецензию уже довольно маститому Валентину Павловичу. Реакция его после прочтения была порой предельно краткой. “Бред!” – говорил он и отдавал статью мне.

Дж. Смагоринский

Л.Н. Гутман

А.С. Монин

Хорошо помню некоторые совещания, семинары и встречи в начале 70-х годов, чаще в СО АН (в Академгородке), с участием крупных иностранных и советских учёных Дж. Смагоринского, Л.С. Гандина, А.С. Монины, Л.Н. Гутмана, Г.П. Курбаткина под руководством Г.И. Марчука, Е.К. Фёдорова. Обсуждались глобальные идеи развития гидродинамических методов прогнозов погоды, моделирования процессов взаимодействия океана и атмосферы, климата. Как-то встал вопрос о влиянии роста концентрации углекислого газа в атмосфере. А.С. Монин задал скептический вопрос: “А кто за этим наблюдает? И кто доказал, что концентрация CO_2 растёт?”

Л.С. Гандин

Стремительно встал М.И. Будыко и чётко (как бы я сейчас сказал, с чисто Путинской дикцией) сообщил, что соответствующие измерения ведутся на Гавайях, обсерваторией в Мауна-Лоа и т.д. Этот эпизод и предыдущие встречи с Будыко привели меня к выводу, что в лице Михаила Ивановича мы имеем первого интеллектуала и оратора Гидрометслужбы. Я был очевидцем энтузиазма, с которым участники одного из совещаний приняли решение Г.И. Марчука инициировать ПИГАП – программу исследования глобальных атмосферных процессов, прежде всего, взаимодействия атмосферы и океана (подпрограмма “Разрезы”).

М.И. Будыко

Г.П. Курбаткин

В заключение данной главы не могу не вспомнить забавный эпизод, который произошёл на семинаре у Г.И. Марчука, где присутствовал и Е.К. Фёдоров. Известный учёный и автор ряда методов численных прогнозов погоды Г.П. Курбаткин рассказывал о разработке какой-то новой численной модели и явно увлёкся деталями работы: “Интегрируя функционал эф-итую по фи-итую в диапазоне от...” Тут Евгений Константинович его перебивает: “Постойте! Вы прогнозируете барику? Так и говорите – барику, мол!” Ну, не

любил академик и Герой Советского Союза излишнего академизма и запутанных сложностей!

... А советские “корабли погоды” в 70-е годы в соответствие с целями ПИГАП бороздили воды Мирового океана, собирая богатую и бесценную информацию о состоянии природной среды, которая впоследствии стала базой для создания новых моделей циркуляции атмосферы и океана, прогноза погоды и климата.

Глава 5. “Долгосрочная” лаборатория. “Везунчики” и “мученики” системы.

Я не знаю ни одной области науки, где всё, или почти всё, было бы так размыто, неопределённо, приближённо, имело бы такую низкую вероятность реализации, как долгосрочные прогнозы погоды. Удивительно, как при таком уровне знаний 80-100 лет назад в СССР было принято решение о составлении оперативных (регулярных) прогнозов погоды на месяц и сезон. И это в то время, когда даже краткосрочные (на сутки) прогнозы имели успешность вряд ли выше 70%! Трудно представить себе, каким могло быть качество долгосрочных прогнозов в годы Великой Отечественной Войны, когда обширные районы Европы представляли сплошное белое пятно на картах погоды, а ведь, судя по публикациям, фронт требовал достоверную информацию о “дальней” погоде. Интересно, какой могла быть судьба синоптика, допустившего серьёзную ошибку в оценке будущих погодных процессов? Трибунал? Штрафбат? Расстрел? (История, кажется, умалчивает.)

...Итак, весной 1973 года, как говорили, по решению Новосибирского обкома КПСС было признано необходимым создать в ЗСРНИГМИ лабораторию долгосрочных прогнозов погоды (ЛДПП) с целью перехода к составлению регулярных прогнозов погоды на месяц по территории Западной Сибири.

(Правда, самого решения обкома я не видел и не читал.) Предложили возглавить эту работу мне. Довольно долго С.Д. Кошинский и М.Г. Петрова, которая к тому времени возглавляла отдел гидрометеорологических прогнозов (бывшее Бюро погоды), убеждали меня “взяться за оружие”. Я интуитивно чувствовал всё несовершенство методологии долгосрочных прогнозов (в моём дневнике запись: “На этом поприще трудно снискать почёт...”), хотя тогда только что вышли из печати солидные методические указания по составлению месячных и сезонных прогнозов погоды. Мне

М.Г. Зубович

В.Д. Тарасенко

М.А. Шевченко

было жаль расставаться с “грозовой” тематикой: у меня что-то стало получаться с регрессионной моделью прогноза гроз и даже времени их начала в районе Новосибирска. К тому же на плечах висела общественная нагрузка учёного секретаря института. От всего этого надо было постепенно освобождаться, а также решать кадровую проблему. Постепенно из группы краткосрочников в новую лабораторию переходили синоптики с разным опытом работы. Первыми и длительно работавшими сотрудниками были М.Г. Зубович, В.Д. Тарасенко, М.А. Шевченко, В.Г. Токарев, Г.П. Торубарова, С.В. Прилепская. Три года проработала с нами С.Н. Гороява. “Синоптиком №1” лаборатории, конечно, была

М.Г. Zubovich. К тому времени она уже имела 15-летний стаж работы. Естественно, Майя Григорьевна первой отправилась на стажировку по месячным прогнозам погоды в Гидрометцентр СССР. Созданием долгосрочного центра в Новосибирске завершилась организация “кольца” таких центров в масштабе страны: Москва (Гидрометцентр СССР) – главный методический центр в этой области и ответственный за составление прогнозов на месяц по Европейской территории СССР и Уралу, Новосибирск – Западная Сибирь, Иркутск – Восточная Сибирь, Хабаровск – Дальний Восток, Алма-Ата – Казахстан, Ташкент – Средняя Азия, Тбилиси – Закавказье.

В.Г. Токарев

С.В. Прилепская

Г.П. Торубарова

Москва оказала нам большую помощь в подготовке необходимого архива гидрометданных: карт аномалий среднемесячных значений температуры, давления, осадков, геопотенциала на уровнях 500 и 100 Па, различных индексов циркуляции, карт приземных и высотных естественно-синоптических периодов и массы других материалов. Но главное, Гидрометцентр СССР обеспечил стажировку наших синоптиков в сфере методологии и технологии составления месячных прогнозов погоды. В результате, через два года после создания нашей лаборатории, мы вполне были готовы к практической работе прогнозирования на месяц по системе Б.П. Мультиановского – С.Т. Пагавы. (Спустя примерно 20 лет

один из ведущих учёных в этой области, Д.А. Педь, назовёт эту методологию системой Б.П. Мультиановского - С.Т. Пагавы и Н.И. Зверева и признается, что хотел бы “торпедировать” её.)

А.А. Гирс

В марте 1973 года представилась возможность расширить свой научный кругозор: в Ленинграде состоялось совещание по сверхдолгосрочным прогнозам погоды. Я увидел и услышал А.А. Гирса, продолжателя синоптической школы Г.Я. Вангенгейма; в моём дневнике тех лет отмечено: “Простая и логичная схема” (очевидно, подбора аналогов-“гомологов”). Мне удалось поговорить с обаятельнейшей и милейшей женщиной, доктором географических наук Е.В.

Воробьёвой, которая и через 20 лет блистала ленинградским интеллектом и обаянием. На совещании, помимо синоптических, были широко представлены доклады о прогнозировании погоды с учётом космических ((солнечно-земных и приливных лунно-солнечных) воздействий. Восхитил своей чёткостью доклад Саруханяна. (Как же много у нас способной молодёжи!) Участвовал в дискуссии ещё один корифей науки, профессор С.П. Хромов. Он задавал провокационные вопросы в отношении типизации атмосферных процессов по

Е.С. Рубинштейн

Гирсу и Дзердзеевскому и, не без удовольствия, подчёркивал противоречия в речах учёных - “солнечников”. Многие участники совещания стали свидетелями забавной дуэли “толиафа” С.П. Хромова с “карлицей”, доктором географических наук Е.С. Рубинштейн. Хромов, нависая над Евгенией Самойловной: “Да нет никакой связи между солнечной активностью и циркуляцией атмосферы!” Е.С., бесстрашно глядя снизу вверх: “Нет, Сергей Петрович, какая-то связь всё же есть!” С.П., яростно жестикулируя: “Нет и нет связи, это всё шум!” Невозможно было удержаться от улыбки при виде этой пары дуэлянтов.

С.Т. Пагава

Р.М. Вильфанд

Переполненный информацией, впечатлениями и эмоциями, по пути домой я заехал в Москву, в Гидрометцентр. Познакомился с мэтром долгосрочной прогностики С.Т. Пагава. Представился и коротко рассказал о ленинградском совещании. Серапион Тадаевич буквально огородил меня скептическим заявлением с лёгким кавказским акцентом: “Нэ надо было вам там быть!” Зато я легко сошёлся с заведующим отделом месячных прогнозов погоды Н.И. Зверевым, который, после короткого представления, сразу перешёл на “ты”: договорились кратко о будущем взаимодействии, стажировках и обмене информацией.

Моя стажировка в Гидрометцентре СССР в области месячных прогнозов погоды проходила в сентябре 1973 года. Коллектив отдела Н.И. Зверева был довольно большой и состоял из специалистов разных поколений. Старшее поколение (от 50 лет и старше) было представлено самим заведующим, а также В.Г. Шишковым, К.А. Васюковым, А.В. Бабкиным, М.Г. и Е.И. Борисовыми, Б.Г. Хесиной, Т.В. Сидоченко. Олицетворением обаяния среднего поколения была Екатерина Аркадьевна Чистякова, человек высочайшей культуры и сдержанности. Из молодых синоптиков запомнились темпераментная Л.Г. Рудичева и её антипод – очень спокойная Г.И. Туркенич (Чекмасова). Временами появлялся очень молодой сотрудник Р.М. Вильфанд, будущий руководитель Гидрометцентра.

Моей непосредственной “учительницей” по методологии месячного прогноза была ветеран отдела Л.Г. Борисова, которая скрупулёзно и тщательно выполняла все технические этапы прогнозирования: от выбора реперных процессов до процесса их “укладки” в годах-аналогах и анализа истории развития синоптических процессов и полей метеорологических элементов. Наблюдая выбор аналогов и обсуждение месячного прогноза в коллективе отдела, я поражался темпераменту и ожесточённости споров между специалистами. Багровело лицо Н.И. Зверева, покрывалась пятнами лысина В.Г. Шишкова, дрожал голос Л.Г. Рудичевой... хотя, казалось бы, все специалисты должны были понимать предельный субъективизм методики как в целом, так и в подборе аналогов и, особенно, в оценке аналогичности. Впрочем, мне понравилось использование ЭВМ для этих целей, так как аналогичность оценивалась объективно, расчётами критериев (ρ , r и других). Для просмотра архива карт использовался специальный проектор. Перечитывая недавно свой дневник, я обнаружил забавную критическую запись: “Здесь много треплются: когда успевают делать работу, науку – неясно...” Но вот что меня крайне огорчило спустя месяц,

другой после окончания стажировки: та тщательность, с которой Лидия Георгиевна подбирала аналог, используя даже ежедневные карты погоды, не оправдала себя полностью. По нашему аналогу ноябрь 1973 года в Западной Сибири непременно должен был стать холодным, а в реальности месяц характеризовался аномально тёплой погодой. Обескураживающее открытие! Но тогда это стало только стимулом для дальнейших исследований.

Запомнилось мне обсуждение синоптических процессов и прогноза погоды в отделе среднесрочных прогнозов погоды, которым руководила Г.Г. Громова, дама самых прекрасных форм и потрясающей женственности. Оперативный синоптик, как обычно, доложил схему развития атмосферных процессов и возможный сценарий погоды на ближайшие дни. Затем слово предоставили оппонентам: вставали убелённые сединами солидные матроны и громко, предельно ясно и чётко выступали, убедительно аргументируя с позиций классической синоптики, почему траекторию этого циклона надо отклонить километров на 100-150 восточнее, а другого вихря – направить круче к северу... Я сидел и думал: “А ведь они наверняка знали и Мультиановского, и Бержерона”. Мои размышления прервала Галина Григорьевна: “Ренад Азальевич! Вы не хотели бы что-нибудь добавить?” Я покачал головой: “Разве можно тут что-то ещё добавить?!”

Е.И. Толстиков

Незабываемым стал день 27 сентября, когда Виктор Антонович Бугаев покидал пост руководителя Гидрометцентра СССР и уходил в отставку. Зал был полон сотрудниками Центра, которые оживлённо переговаривались и сочувственно смотрели на недавнего лидера Службы. Чувствовалось, что его и любили, и уважали. От имени руководства ГУГМС

приветствовал Бугаева Герой Советского Союза Е.И. Толстикова; заявил в конце речи, что руководство дарит ему радиолу. Гигантская радиола покоилась рядом на столе. Виктор Антонович тут же предложил: “Ну вот, подними и поднеси её мне”. Евгений Иванович улыбнулся, крикнул и поднял радиолу (не без труда). Обратился с приветствием вновь назначенный директор Гидрометцентра М.А. Петросянц. Отметив роль В.А. Бугаева в развитии методологии прогнозирования погоды, Михаил

М.А. Петросянц

Арамаисович завершил свою речь так: “Виктор Антонович любит синоптику как...(тут была небольшая пауза) как женщину!” Удачное сравнение, подумал я. В зале раздался дружный смех. Ответная прощальная речь Виктора Антоновича была, удивительно непринуждённой, хотя и не лишённой грусти. “Ну, я тут в коридорах ещё буду шмыгать”, - пообещал он напоследок.

Здесь хочу отметить, что в то время некоторые социально-бытовые проблемы в Службе решались достойно: у Гидрометцентра СССР были своя амбулатория, свой стоматологический кабинет, услугами которого я, кстати, воспользовался, действовала система заказов на некоторые продовольственные товары.

После завершения стажировки у долгосрочников Гидрометцентра мне пришлось в качестве учёного секретаря института в том же году вновь поехать в Москву в ноябре на заседание Учёного Совета Гидрометцентра и Президиума НТС ГУГМС. Запомнилось обсуждение плана НИР на ближайшие годы, которое проводила учёный секретарь Центра А.А.Акулиничева, её комментарии и реплики по предложениям

учёных и формулировкам научных тем, ожидаемым результатам, разделам... Выступала она резко, хлёстко, порой с едким сарказмом, добиваясь предельной чёткости и ясности формулировок. Солидные авторитетные, именитые учёные от её реплик краснели, бледнели, лицо многоуважаемого доктора физмат наук Б.Д. Успенского покрылось пятнами. Да, не зря некоторые коллеги звали между собой А.А. “акулой”. Но это была полезная и необходимая школа; она была бы чрезвычайно полезной и в наше время – эпоху “разгула” либерализма и небрежного отношения к русскому языку.

Серия московских командировок и встреч начала 70-х годов завершилась для меня участием, в январе 1974 года, во всесоюзном совещании по долгосрочным прогнозам погоды. Уже во время совещания я узнал, что в начале января скончался корифей гидрометеорологической науки, большой Друг и Учитель многих начинающих свой путь в нашей профессии В.А. Джорджио. А ведь ему не было даже 70 лет. Какая тяжёлая утрата! Вечная память Вам, Виктор Антонович!

На совещании ярче была представлена московская группа учёных: доктора наук Х.Х. Рафаилова, Д.А. Педь – апологеты синоптико-статистического направления в

Х.П. Погосян

долгосрочной прогностике; своей статью выделялся Х.П. Погосян, крупнейший учёный в области изучения общей циркуляции атмосферы. Молодой кандидат наук А.И. Угрюмов, которого я запомнил ещё по 1-ой Всесоюзной конференции молодых учёных, представил доклад о проблеме учёта связи квазидвухлетней цикличности и аномалий температуры воды в Атлантике при составлении долгосрочных прогнозов. И опять я

отметил логичность и чёткость его выступления. Своими достижениями в прогнозах поделилась Х.Х. Рафаилова; помнится, она говорила о достижении уровня $\rho=0,6$, что адекватно 80-процентной оправдываемости. А вот здесь уже буквально взорвался Н.И. Зверев: он кричал, что это нереальный уровень в долгосрочных прогнозах. А если докладчик подойдёт к рубежу 100%, то остальных учёных можно просто выгнать. После такого “взрыва” последующие ораторы были скромнее: называли цифры $\rho=0,2-0,3$, то есть 60-65%. А вот в этом месте возмутился директор Гидрометцентра М.А. Петросянц: “Да вы понимаете, - кричал он залу с кавказским темпераментом, - что ваши $\rho=0,2$ никому не нужны!” Сидевший рядом со мной Д.А. Педь пробурчал: “Ну, это от некомпетентности”. Выступавший в прениях Н.А. Багров на этот раз демонстрировал пессимизм и неверие в возможность прогресса в долгосрочных прогнозах. Его более молодые и горячие оппоненты утверждали, что данной проблемой должны заниматься оптимисты: “А не веришь – лучше уйди с дороги, не мешай другим!” Темпераментно, несмотря на солидный возраст, выступил представитель КазНИГМИ М.Х. Байдал. Запомнилась его озабоченность, что многие авторы, по его мнению, мало уделяют внимания изучению физики атмосферных процессов, , приводящих к крупным аномалиям погоды, и ограничиваются формально-статистическими выводами. “Если так дело пойдёт и дальше, атмосфера исчезнет и останется одна статистика!” - под смех зала заключил он.

М.Х. Байдал

В конце 1973 года я довольно плотно изучал “долгосрочную” литературу и, конечно, прочёл монографию Михаила Харлампиевича по проблеме долгосрочных прогнозов применительно к территории Казахстана, причём обнаружил в ней “зёрна и интересные мысли”. Нравилось, что в работах Байдала есть, образно говоря, “опорные сигналы” о том, с какими параметрами атмосферной циркуляции можно пытаться искать зависимости, полезные и для прогностики в Западной Сибири. Об этом, впрочем довольно коротко, удалось поговорить с Михаилом Харлампиевичем. Я помнил, конечно, о резкой критике работ Байдала со стороны многоуважаемого Н.И. Зверева, который на заседании ЦМКП в сентябре 1973 года обвинял его в “антинаучном подходе” к проблеме. Но в январе 1974 года меня это уже не смущало: я понял, что “долгосрочная” наука – это сфера ожесточённых споров и дискуссий. Так было, так есть, так будет и впредь!

Завершал работу совещания академик Е.К. Фёдоров; говорил просто, ясно, призывал не бояться признавать свои ошибки. А в конце своей речи вдруг задал вопрос всем сидящим в зале, какие же меры и решения надо предпринять, чтобы поднять качество долгосрочных прогнозов: “Скажите, что же вам нужно?” Кажется, на этот вопрос никто не сумел аргументированно ответить...

Своё описание московских впечатлений хочу заключить упоминанием об одном случайном, но интересном эпизоде. Наша новосибирская делегация была размещена в гостинице “Россия”, недалеко от Красной площади. Мне она показалось шикарней и по уюту, и по сервису, и по кухне, и по масштабам. Как-то утром едем мы вниз на лифте, и на одной остановке к нам стремительно входит стройный, высокий, молодой человек в модной в то время дублёнке. Его силуэт, даже со спины, был как-то странно знаком. Спустя некоторое время мужчина вышел из лифта. “Как будто, Магомаев”, - проговорил кто-то вполголоса. ”До боли знакомая спина”, - мелькнуло в моей

голове. Ну и чем не сюжет для небольшой заметки? Она и появилась в очередном номере нашей институтской стенгазеты. Спустя много лет я узнал, что в 70-х годах Магомаев действительно проживал в этой гостинице.

1974-й год и первые месяцы 1975-го – это был период составления опытных месячных прогнозов погоды, своего рода учёбы, реализации полученных знаний и навыков в сфере технологии практического составления прогнозов на месяц. Первые результаты обнадеживали: уже прогноз на январь 1974 года получился чуть лучше, чем прогноз Гидрометцентра СССР, хотя и он был не идеален. Руководство нашего Управления, включая С.М. Шульмана, внимательно относилось к нашим работам, вызывало меня на консультации, особенно по ситуации с летними осадками этого года. Лето 1974 года оказалось засушливым, хлеба в Новосибирской области пострадали от засухи. И поскольку Гидрометцентр предсказывал июль влажным, М.Г. Петрова заявила, что ”лучше бы этого прогноза не было”.

Параллельно с оперативной работой велись научные исследования. Прежде всего, захотелось разобраться с влиянием солнечной активности на режим летних осадков. Используя карты аномалий месячных сумм осадков по территории Западной Сибири, я провёл анализ связи различных классов аномалий с фазами 11-летнего Солнечного цикла; при этом использовался метод наложенных эпох В.Н. Купецкого. Удивительно, но связь оказалась довольно чёткая: засушливые летние месяцы на юге Сибири чаще (и намного!) отмечались в годы минимальной активности Солнца, а месяцы с избытком осадков в основном попадали на годы с высокой солнечной активностью. Результаты этой работы я доложил на конференции молодых учёных ЗСРНИГМИ в декабре 1974 года. Конференция эта прошла сразу после итоговой сессии Учёного Совета, а доклад вызвал большой интерес у слушателей; я подсчитал, что мне было задано 15(!) вопросов.

Но был успех и материальный: за доклад я получил, пусть и небольшую, денежную премию. Позже, в начале 1975 года я попытался применить дисперсионный анализ для оценки роли солнечной активности в режиме летних осадков. Получилось: вклад СА – это 34% дисперсии осадков, 53% - вклад циркуляции атмосферы, 13% - прочие факторы. Немножко наивно? Возможно, но целая треть – доля Солнца! Это нечто.

В середине января 1975 года в Новосибирск прибыли лидеры Гидрометслужбы Е.К. Фёдоров и М.А. Петросянц. Они посетили наше Управление, Институт, ознакомились с состоянием оперативной и научно-исследовательской работы. В конференц-зале я, между прочим, кратко доложил о создании лаборатории долгосрочных прогнозов погоды, а А.Г. Чубенко о своём пребывании на Кубе и братской помощи кубинским гидрометеорологам. В Вычислительном Центре СО АН была организована встреча с коллективом ВЦ во главе с Г.И. Марчуком, где академик Е.К. Фёдоров рассказал об организации проекта ПИГАП, а заведующие отделами ВЦ доложили о своих работах.

Первое “боевое крещение” наша лаборатория получила летом 1975 года с началом выпуска первого официального прогноза погоды на июнь. Московский Гидрометцентр настаивал на аналоге, который указывал на возможность жестокой июньской засухи на юге Западной Сибири. Мы же, анализируя историю развития атмосферных процессов и погоды и, особенно, принимая во внимание мощные волны холода и осадков весной этого года, доказывали, что диалектика реальных процессов этого года противоречит истории выбранного Москвой аналога на июнь. Дошло до того, что в мае 75-го года мы направили официальную телеграмму – протест в адрес Гидрометцентра и ГУГМС, а так же ещё раз переговорили по телефону с московскими синоптиками. Добавлю, что С.М. Шульман был чрезвычайно доволен нашими аналитическими рассуждениями и выводами. В конце

концов, не без влияния С.М., был достигнут такой компромисс: по Новосибирской и Томской областям в качестве базы берётся наш вариант прогноза, а на Алтае – московский вариант. Что же было в реальности? Как таковой засухи, то есть сочетания аномального тепла и дефицита осадков на больших площадях, не было. Среднемесячная температура была несколько ниже нормы, хотя в отдельных районах осадков в июне выпало меньше климатической нормы. Боевая ничья? Возможно. Но после этого эпизода мы методологически стали чувствовать себя увереннее. Да и на одном из заседаний Учёного Совета С.М. Шульман похвалил нас за творческое отношение к июньскому прогнозу.

В сентябре этого же года в нашем УГМС состоялась встреча с руководителем американских долгосрочников; звали его, помнится, доктор Гиллман; молоджавый стройный мужчина, “парень с юмором”. Он вкратце рассказал, на каких принципах базируется составление долгосрочных прогнозов в США. Как я понял, в прогнозах там указывают только фон среднемесячной температуры и осадков (норма, выше или ниже нормы), конкретных периодов с волнами тепла (холода) и осадков предсказывать в Штатах не берутся. Когда мы спросили Гиллмана, как там относятся к учёту солнечной активности в долгосрочных прогнозах, он дал понять, что отношение к этой проблеме скорее скептическое. Впрочем, “многого он не сказал”.

Под занавес уходящего 1975 года в нашей прогностической практике произошёл курьёзный случай, в прочем довольно приятный. На декабрь М.Г. Зубович прогнозировала аномалию температуры около и несколько выше климатической нормы. Но в начале месяца на юге Западной Сибири грянули 30-40-градусные морозы, и свежие аналоги указывали на весьма высокую вероятность длительных и суровых морозов. Неужели прогноз не оправдывается? Каково же было наше удивление, когда экстремально холодная погода

начала декабря сменилась во второй половине месяца аномально тёплой погодой с оттепелями в дневные часы. В результате аномалия среднемесячной температуры приблизилась к норме, и месячный прогноз в целом оправдался. Ранее у Майи Григорьевны хорошо оправдался прогноз на август 1975 года. Так, постепенно, М.Г. Зубович стала пользоваться репутацией “везунчика” в нашей профессии.

В последние месяцы 75-го года мне удалось найти графическое решение для фонового прогноза аномалий летних осадков на юго-востоке Западной Сибири. Для этого были построены графики асинхронной связи аномалий осадков (меньше нормы, норма и больше нормы) с зимними индексами циркуляции Л.А. Вительса (аномалии числа дней с антициклонической циркуляцией) и среднемесячными числами Вольфа, отображающими активность Солнца. Такая корреляционно-графическая модель обещала неплохие результаты в сфере успешности долгосрочных прогнозов аномалий летних осадков (на уровне 70% и выше). Эту работу я доложил на семинаре синоптиков, а затем на итоговой сессии Учёного Совета института в январе следующего 1976 года. В дальнейшем эта прогностическая модель была включена в план оперативно-производственных испытаний новых методов прогнозов в ЗСУГМС.

Методическое руководство Гидрометцентра СССР не ограничивалось только стажировкой наших ведущих специалистов в отделе месячных прогнозов ГМЦ или подготовкой архива синоптических карт и различных индексов циркуляции, хотя и это немало. В мае 1976 года методическую инспекцию нашей лаборатории провёл лично лидер долгосрочной прогностики нашей страны, доктор физико-математических наук Н.И. Зверев. В беседе с нами он ещё раз подтвердил незыблемость положений недавно опубликованного “Руководства по месячным прогнозам

погоды” и, особенно, “культ реперов”, то есть определения ключевых (реперных) процессов, их ритмичности и обеспеченности, как основного методического инструментария при составлении месячных прогнозов погоды. Смущало то, что на практике этот инструментарий нередко давал сбои. К примеру, реперный процесс утверждался при его обеспеченности около 70% (или 0,7). Вероятность совместной реализации двух реперных процессов равна произведению $0,7 \cdot 0,7 = 0,49$, то есть даже менее 50%, а если реперных процессов три или больше?! Откуда возьмутся надёжные долгосрочные прогнозы? Тогда Николай Ильич убеждал перейти к оценке обеспеченности отдельных предикторов (показателей), описывающих историю развития атмосферных процессов – метеорологических полей. Здесь тоже возникали методологические ловушки: скажем, по одним предикторам обеспеченность давала указания на “тепло”, а по другим предикторам на “холод”. Тогда уважаемый учёный разводил руками и восклицал: “Такая наша наука!”

Во время своего инспекционного рейда Н.И. Зверев нанёс визит к руководителю ЗСУГМС и ЗСРНИГМИ С.М. Шульману; говорил ему о необходимости усиления нашей лаборатории штатами и деньгами. Самуил Моисеевич благоразумно “отфутболил” его к руководству Госкомгидромета. Между прочим, пребывание Н.И. Зверева в Новосибирске совпало с 40-летием нашего ведущего синоптика М.Г. Зубович; он присутствовал на банкете в нашей лаборатории и произнёс довольно пышный тост в честь юбиляра: “Уважаемая Майя Григорьевна! Поздравляя Вас с днём рождения, я дарю Вам горячий антициклон своего сердца!” Каково?! Красиво, а главное профессионально!

Осенью 1976 года природа и атмосфера преподнесли нам суровые испытания. В конце сентября – начале октября Западную Сибирь стали захлёстывать волны холода, необходимо было уточнить прогноз атмосферных процессов и

погоды на октябрь. И здесь чрезвычайно удачно сработала наша надежда и “везунчик” М.Г. Зубович. С учётом сложившихся и ожидаемых процессов она нашла несколько аналогов, которые указывали на высокую вероятность формирования аномально холодной погоды в Западной Сибири, а значит – раннего замерзания рек в бассейне Оби и Томи. 5–6 октября в уточнённом прогнозе на октябрь среднемесячная температура была предсказана до 3°C ниже нормы. Вместе с заведующим лабораторией гидрологических прогнозов А.Н. Топчиной мы доложили на совещании в Западно-Сибирском речном пароходстве уточнение прогноза на октябрь и угрозу экстремально раннего развития ледовых явлений на реках Сибири. Хотя глава пароходства Горшков относился с иронией и скепсисом к долгосрочным прогнозам, но наша информация была воспринята речниками как указание к реальным действиям по прекращению навигации на реках. Помнится, наше пароходство было чуть ли не единственным в России, которое обеспечило своевременное перемещение судов, без аварий и поломок, в места зимнего отстоя и затоны. Ни одно судно пароходства не попало в тиски ледового плена и не пострадало. Тут надо упомянуть, что глава нашего отдела М.Г. Петрова в эти дни выезжала в Варшаву на какую-то конференцию европейских гидрометеорологов, и я здесь замещал её в качестве исполняющего обязанности заведующего ОГМП. Вернувшись с конференции и узнав о наших успехах, Мария Григорьевна от всей души обняла и расцеловала нас. Действительно, это был большой успех; добавлю, что во второй декаде октября сформировался снежный покров, а в третьей декаде морозы усилились до минус 20-30°C. Необыкновенно рано начался лыжный сезон, да и октябрь этого года оказался самым холодным за всю историю метеорологических наблюдений.

В конце этого года по просьбе школы №76 города Новосибирска, где учился мой сын Артур, я рассказал одноклассникам Артура о Гидрометслужбе, о наших

достижениях, проблемах. Слушали с интересом, а в конце встречи один пацан огорошил вопросом: "А сколько вы получаете?" А ведь это были не "лихие" 90-е, а "благословенные" 70-е годы того столетия!

3 января 1977 года в институт поступило приглашение из Москвы приехать на совещание в Госкомгидромет по проблеме долгосрочного прогноза на весенне-летний период этого года. Похоже, сильные засухи 70-х годов, особенно 1972 и 1975 годов, нанесли немалый ущерб сельскому хозяйству страны. А потому правительство хотело бы узнать у Гидрометслужбы: существует ли реальная угроза засухи в

Ю.А. Израэль

текущем году, и если "да", то в какой части страны. Совещание началось 10 января, и его проводил новый глава Госкомгидромета СССР Ю.А. Израэль. Смотрел я на него и вспомнил, что "пересекался" с ним на обсуждении радиационно-метеорологической обстановки в начале 70-х годов на Семипалатинском ядерном полигоне, куда он приезжал в качестве эксперта от Института

прикладной геофизики. Был он очень красив, на мой взгляд, солиден, вальяжен и обликом сильно смахивал на британского актёра Кристофера Пламмера, исполнившего в фильме "Ватерлоо" роль герцога Веллингтона, победителя Наполеона. На совещании со своими соображениями о вероятном сценарии погоды на лето 1977 года выступили все ведущие учёные, корифеи из Гидрометцентра СССР, ГГО, КазНИГМИ, ВНИИГМИ-МЦД... Предоставили слово и мне. Основываясь на полученной мной связи между солнечной активностью, атмосферной циркуляцией и летними осадками, я доложил о повышенной вероятности летней засухи на юге Западной

Сибири (в условиях минимальной активности Солнца). Участники совещания “уцепились за мои оценки”, так как у большинства учёных засушливость так же пришлась на Западную Сибирь. В соответствующем ключе затем составлялся, редактировался и подписывался результирующий фоновый прогноз на лето этого года.

Как ни странно, но и разработки официального месячного прогноза погоды в соответствии с методикой “Руководства по месячным прогнозам”, которые вела сотрудник нашей лаборатории В.Д. Тарасенко, также привели к выводу о возможном дефиците осадков на юго-востоке Западной Сибири в июне 1977 года. Далее, эстафета снова перешла ко мне, предстояло в начале месяца дать уточнение месячного прогноза. Аналогом на июнь вышел 1955 год, то есть экстремально тёплый и засушливый месяц. Этот прогноз ушёл на сеть метеостанций, в другие Центры с индексом “шторм”, с указанием дефицита месячных сумм осадков: не более 40% от нормы. И прогноз, и “шторм” блестяще оправдались. Во второй половине месяца жара достигла 33...38°C, в Усть-Тарке столбик термометра взлетел до 41°C.

По итогам научно-исследовательской и оперативно-производственной деятельности за 1977 год наш институт в системе Госкомгидромета завоевал первое место. А в начале февраля 1978 года приехавший в Новосибирск лидер службы Ю.А. Израэль вручил руководству ЗСРНИГМИ переходящее Красное Знамя. Наверное, в этих достижениях была и доля нашего труда, тем более что в своей приветственной речи наш руководитель С.М. Шульман похвалил за удачный прогноз засухи 1977 года, о вероятности которого мы информировали ещё в первом квартале года. И в последующие два года (1978-79) институт подтверждал своё лидерство в Гидрометслужбе страны и в области науки, и в оперативной работе, Красное Знамя оставалось у нас; можно сказать, “гордо реяло над зданием ЗСРНИГМИ-ЗСУГМС!”

В нашей работе мы, случалось, что называется, ”зарывались”, и природа нас за это наказывала. При разработках предварительного прогноза на осень, точнее на сентябрь 1979 года, мы получили аналоги с повышенной вероятностью избытка осадков и отрицательной аномалией среднемесячной температуры. Несмотря на мои возражения и призывы подождать до конца августа – начала сентября, когда могла бы проясниться ситуация, по настоянию руководства прогноз неблагоприятных условий уборки урожая на сентябрь был доведён в виде штормового предупреждения уже в первой декаде августа (?!). А что было в реальности? Несколько дождливых дней в начале осени, а затем – довольно благоприятные условия уборки урожая: что называется, ”сели в лужу”.

Не могу не похвастаться двумя своими удачами личного характера: успешными предварительными прогнозами на октябрь 1979 года и декабрь 1980 года. По критерию r была близка к единице (знак аномалии температуры), по ходу погоды оправдываемость превышала 70%, скромнее были показатели по осадкам: 60-65%. Но это была моя “лебединая песня”: в 1980 году в Москве было принято решение о разделении научных и производственных функций. ЗСРНИГМИ с 1981 года стал самостоятельной научной структурой и отделился от ЗСУГМС. Часть нашей лаборатории осталась в институте и стала заниматься только научными изысканиями, а другая часть перешла во вновь организованное Новосибирское Бюро погоды и продолжала составлять оперативные месячные прогнозы погоды по территории Западной Сибири.

Во второй половине 70-х годов журналисты стали проявлять внимание к нашей лаборатории; я нередко давал интервью газете “Вечерний Новосибирск” по месячным прогнозам погоды, особенно частыми были контакты с корреспондентом этой газеты Н. Захаровой. Сотрудники

института бывали за границей; запомнились рассказы Г.Р. Контарева о конференции метеорологов в Женеве (март 1978 года), П.Ю. Пушистова о поездке в США (апрель 1979 года) и во Францию (июнь 1980 года). Захватывающе интересно рассказывал Р.Я. Гесс о зимовке в Антарктиде, на станции “Восток” (март 1977 года); самым колоритным был эпизод трогательной заботы полярников о случайно попавшей на станцию мухе и об их переживаниях, когда всё же это насекомое погибло.

В апреле 1980 года Западно-Сибирская гидрометслужба, в том числе институт, подверглись комплексной инспекции Госкомгидромета. В инспекции принимали участие не только представители Москвы (Сивопляс, Б.Д. Успенский, А.А. Акулиничева...), но и соседних управлений (А.И. Ерофеева, начальник Омского БП). Возглавлял инспекцию заместитель руководителя Госкомгидромета В.Г. Никитин, как я помню, мужчина жёсткий, резкий, кажется, бывший фронтовик. Он своими вопросами и наездами “перепугал синоптиков до смерти, а некоторых (М.А. Черкесова) довёл до слёз”. Впрочем, в своём итоговом докладе Никитин дал высокую оценку качеству гидрометобеспечения органов партийной и государственной власти, научной деятельности; критическим замечаниям подверглись работы с наблюдательной сетью и финансовая деятельность. Между прочим, тот же Никитин вручил мне в сентябре 1980 года знак “Отличник Гидрометслужбы СССР”. Тогда отмечалось 50-летие организации Западно-Сибирского Управления Гидрометслужбы. Торжества и банкет прошли в Новосибирском Гарнизонном Доме Офицеров, прекрасный концерт дал ансамбль Сибирского военного округа.

Ярким событием уходящего 1980 года был визит кубинских метеорологов в Новосибирск. Звали их Оскар и Армандо: первый был, как говорили, начальник наблюдательной сети, а второй директором

гидрометинститута. Кубинцы встречались и беседовали с руководителями структурных подразделений Гидрометслужбы и института, заведующими отделов и некоторыми лабораторий.

Кубинские и новосибирские метеорологи. Дружба навсегда!

Все службы, отделы, лаборатории соревновались в горячем российском гостеприимстве, во всех аудиториях и кабинетах что-то варилось, жарилось и кипело; вино, а точнее – спиртное, лилось рекой. Это был настоящий апофеоз советско-кубинско-сибирской дружбы! Высокой планке этой горячей встречи энергично способствовал А.Г. Чубенко, который в 70-х годах работал на Кубе и блестяще владел испанским языком. Порой он выступал в качестве переводчика; то и дело, жестикулируя рукой, восклицал: “No pasaran!”

Как я уже говорил, помимо оперативной работы по составлению месячных прогнозов погоды, в 70-х годах наша лаборатория вела и научные изыскания. В 1976-77 годах лаборатория выполнила раздел 2 темы 1.04.07 плана НИР ГУГМС по изучению условий формирования крупных аномалий среднемесячной температуры на территории Западной Сибири и разработке рекомендаций по их прогнозированию. Мы изучили повторяемость крупных

аномалий температуры за 75-летний период по сезонам, месяцам, их устойчивость и преемственность. Выявили длительные периоды с однородной аномалией, которые связаны с циркуляционными эпохами. Выполнили анализ атмосферных процессов (по типизации Ю.Б. Храброва), которые вызывают крупные положительные и отрицательные аномалии. Была обнаружена статистически достоверная изменчивость повторяемости аномалий температуры в 11-летнем цикле Солнечной активности, особенно для летних месяцев, найдены синхронные и асинхронные связи между месячными числами Вольфа и аномалиями температуры. Конечно, я использовал в своей работе труды отечественных и зарубежных учёных, гелиофизиков и геофизиков: Л.А. Вительса, Ю.И. Витинского, А.А. Гирса, И.В. Максимова, А.И. Оля, Т.В. Покровской, Б.И. Сазонова, Д. Германа, Р. Гольдберга и других. Удалось выявить комплекс необходимых и достаточных условий для формирования крупных аномалий: по истории развития циркуляции атмосферы, термического режима вод Северной Атлантики, ледовитости Баренцева моря, состояния Центров действия атмосферы, приземного барикоциркуляционного режима (по Л.А. Вительсу). Это дало возможность разработать способ фонового прогноза аномалий температуры с использованием диаграмм вероятности на базе асинхронных гидрометеорологических связей в системе атмосфера – океан – Солнце.

Результаты этой темы были развиты в следующей теме 1.04.24 плана НИР Госкомгидромета на 1978-80 годы, том 2, в процессе выполнения которой был разработан детализированный по территории Западной Сибири синоптико-статистический способ прогноза аномалий среднемесячной температуры на базе уравнений регрессии с использованием наиболее информативных для каждого месяца предикторов, описывающих предшествующую историю развития макропроцессов, характеристик подстилающей поверхности и Солнечной активности. Были изучены асинхронные связи

между аномалиями температуры в Сибири и атмосферными процессами в тихоокеанско-американском секторе, дана оценка сопряжённости атлантических и тихоокеанских ЦДА перед крупными аномалиями температуры в Сибири. Попытались мы найти резервы повышения эффективности собственно синоптического метода месячных прогнозов погоды: провели оценку успешности наилучших лет – аналогов по разным предсказателям-параметрам – от “укладки” реперных процессов до полей метеоэлементов, индексов циркуляции, ЦДА, температуры воды в Северной Атлантике... Разбирались с успешностью применения аналогов повышенной обеспеченности, то есть дающих однотипные указания на аномалию температуры прогнозируемого месяца. Изучали возможность применения метеорологической инерции: оценивали корреляционную связь температурной аномалии первой пентады и последней декады предшествующего месяца с аномалией среднемесячной температуры прогнозируемого месяца. Проверка качества численных прогнозов аномалий температуры на зависимом и независимом материале вывела нас на рубеж 0,4-0,5 по критерию ρ (или 70-75% по знаку аномалии), что было очень неплохо. Можно было передавать метод на оперативные испытания.

Хочу сказать, что в научной работе принимали участие все ведущие специалисты-синоптики лаборатории. К нашим изысканиям подключилась бывшая сотрудница КазНИГМИ И.П. Фадеева, которая после выхода на пенсию переехала в Новосибирск. Большую помощь в работе нам оказало руководство нашего Вычислительного Центра - В.П. Крысов и И.В. Колотовкин, которые делегировали в нашу тему инженера ВЦ Т.А. Штарову: она занималась отладкой программ расчёта аномалий температуры на ЭВМ “Весна”.

Результаты этой работы я неоднократно докладывал: и на итоговых сессиях Учёного Совета нашего института, и в Гидрометцентре СССР, и даже на заседании Астросовета АН

СССР в Москве (май 1979 года). В июне 1979 года доклад был озвучен на прошедшем в Новосибирске Всесоюзном совещании по теме “Гидрометеорология Сибири – народному хозяйству”, а в феврале 1980 года на научной конференции в моём родном Казанском Университете. Подготовленные по результатам работы статьи публиковались в трудах ЗСРНИГМИ.

Со временем я подготовил научно-популярную лекцию о состоянии и развитии долгосрочных прогнозов погоды, с которой выступал перед различной аудиторией: перед специалистами наблюдательной сети, агрометеорологами-прогнозистами, в сельхозинституте перед директорами совхозов и председателями колхозов... Причём, в моём дневнике есть ремарка: “Народ зубастый, критики и вопросов – масса, но вывод такой: хоть и плохонький, но прогноз долгосрочный нужен!”

Научная тематика выполнялась под руководством Гидрометцентра СССР, в целом, в масштабах страны. Однажды Н.И. Зверев собрал всех соисполнителей этой темы на семинар. Обсуждение и дискуссия были, судя по моим записям, бурными. Выступали М.Х. Байдал, А.И. Неушкин, Г.К. Турулина, Г.Н. Чичасов. Моё сообщение о проделанной работе было воспринято благожелательно; более того, Н.И. Зверев предлагал мне изучить связь температурных аномалий и солнечной активности в разных регионах страны. Бурно реагировал на ход обсуждения М.Х. Байдал, который даже обвинил руководителя темы в феодализме при выборе направления исследований: Зверев призывал усилить внимание к роли подстилающей поверхности. Самым лаконичным было сообщение представителя ЗакНИГМИ Чоговадзе: “Ми всэ пробавалы, но у нас нычего нэ получилось”. Слабая улыбка Зверева и короткая реплика: “Это самая печальная история”.

Оперативная и научно-исследовательская работы велись практически одновременно. Это было и сложно, и трудно, но коллектив лаборатории в целом справлялся с проблемами. Работали все дружно, профессионально, добросовестно, хотя характеры у всех были непростые, возникали и бытовые, финансовые и семейные проблемы. Но ответственное отношение к труду, к своей профессии, было, наверное, отличительным качеством нашего поколения. Я уже писал о профессионализме М.Г. Зубович. А вот как в своём дневнике я характеризовал другого синоптика лаборатории – В.Д. Тарасенко: “Постоянно думающая, сомневающаяся, беспокойная – такие нужны нашей лаборатории”.

И всё же я погрешил бы против истины, если бы не назвал человека, который в течение, по крайней мере, трёх лет отравлял производственный и психологический климат лаборатории. Это Александр Георгиевич Сытин. Когда в 1973 году создавалась наша ЛДПП, я считал, что нам нужен математик, который бы мог заняться математической обработкой, анализом и обоснованием получаемых статистическими методами зависимостей и связей. К нам Сытин перешёл из биологического института СО АН; кто-то из сотрудников института дал ему в телефонном разговоре положительную характеристику. Александр Георгиевич охотно пускался в пространные рассуждения по разным проблемам науки, в том числе метеорологии, и высоко оценивал стиль и уровень своей работы. Каков же был результат его работы за 2-3 года? Математическая модель Сытина по определению прогностического класса летних осадков потерпела крах: ЭВМ выдала сплошные нули. А далее был каскад его эпатажных заявлений, откровенного саботажа и кляуз. Свои жалобы, в которых он обвинял “всех и вся” в произволе и “придириках”, он отправлял и в Гидрометцентр СССР, и в ЦК КПСС, и в обком партии, и в Президиум Верховного Совета СССР. Конечно, по всем кляузам мне приходилось писать объяснительные, а к заместителю прокурора пришлось пойти

лично. Руководству института тоже пришлось “кряхтеть” из-за скандального поведения сотрудника института. В конце концов, М.Г. Петрова договорилась о переводе этого “индивида” в другой отдел (синоптических исследований). Но и там он не удержался: в конце 1980 года последовала очередная его кляуза на сотрудников уже этого отдела руководству Госкомгидромета СССР, и его “ушли”, как говорится, “по собственному желанию”.

Но даже после ухода Сытина обстановка в коллективе лаборатории была нелёгкой. Со временем обострились отношения между сотрудниками, которые тяготели к научной работе, и синоптиками чисто практического склада ума и характера. Особенно это проявилось в конце 70-х годов, когда руководство института потребовало перевести часть штата старших инженеров в младшие научные сотрудники. Как это? Был “старшим”, а стану ”младшим”! (Правда, при той же зарплате.) “Ни за что!” А сколько было слёз и воплей, если узнавали, что кому-то из соседней лаборатории повысили оклад на 5 рублей, а “мы – что, хуже?!” И опять бесконечные разборки и претензии... Поэтому, когда в конце 1980 года пришло известие о разделении науки и производства, Института и Бюро погоды, я это воспринял с удовлетворением. Работа в самостоятельной научной структуре – СибНИГМИ, обещала быть более спокойной и продуктивной...

Продолжение следует...